
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1982

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 17,1 МИЛЛИОНА КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ.
НАСЕЛЕНИЕ — 140 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК.
НАСЕЛЕНИЕ МОСКВЫ — 8,3 МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК.
В РЕСПУБЛИКЕ ПРОЖИВАЮТ ГРАЖДАНЕ СВЫШЕ 100 НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ЗА 1940—1981 ГОДЫ УВЕЛИЧИЛОСЬ В 19,1 РАЗА.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — В 2,3 РАЗА.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — В 27 РАЗ.

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ

Терентий МАЛЬЦЕВ,
дважды Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета РСФСР,
почетный академик ВАСХНИЛ,
лауреат Государственной премии СССР,
полевод колхоза «Заветы Ленина»
Шадринского района Курганской области.

Всю свою долгую жизнь прожил я в родном селе Мальцево. Восемьдесят восьмой год начинаю ходить по родной земле и все не могу наглядеться на милые сердцу поля, леса, просторы. Из окон моего дома видна часть села: дорога, соседские крыши, вдали лес, пашня. Это кусочек земли, на которой течет моя жизнь, кусочек России — моей большой Родины. И сколько бы я ни глядел на него, не устают мои глаза. Наверное, потому не устают, что люблю я эту землю, люблю беззаветно и жизнь без нее для меня не жизнь. Да и любовь у нас с этой землей взаимная, а взаимная любовь всегда крепка.

Продолжение см. на стр. 13

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2891)

11 ДЕКАБРЯ 1982

Во время переговоров. Фото А. Гостева

БРАТСТВО НАРОДОВ— БРАТСТВО КУЛЬТУР

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР и РСФСР, посвященный шестидесятилетию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Собравшиеся на пленуме творческие работники, руководители центральных идеологических учреждений и ведомств встретили аплодисментами товарищей В. В. Гришина, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, М. В. Зимянина.

Пленум открыл первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков.

— Мы гордимся подлинным расцветом каждой социалистической нации и народности, входящей в СССР,— сказал Г. Марков.— Мы гордимся коренным преобразованием экономики и быта бывших национальных окраин царской России, возрождением народов и племен, которым раньше грозило исчезновение с лица земли.

Далее в своем выступлении Г. Марков заверил партию, ленинский Центральный Комитет КПСС, Политбюро во главе с Юрием Владимировичем Андроповым, что художественная интеллигенция еще активнее будет работать над созданием произведений о нашем героическом времени, о нашем современнике, созидателе и строителе коммунизма, внесет достойный вклад в культуру нашей Родины.

— Сам народ побуждает нас творить, создавать книги,— сказал в своем выступлении председатель правления Союза писателей РСФСР С. Михалков.— Мы живем его страстями, его заботами и надеждами, радостями и печалями...

Социализм вызвал в жизни всех советских народов огромный, ранее невиданный творческий подъем, сплотив силы братства и единства в борьбе против враждебных

Фото А. Гостева

БЕСЕДА СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ С АРАБСКОЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ

3 декабря Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов и член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко встретились в Кремле с делегацией в составе короля Иордании Хусейна Бен Талала, заместителя Председателя Совета Министров, министра иностранных дел Сирии А. Х. Хаддама, министра иностранных дел Саудовской Аравии С. аль-Фейсала, государственного министра по иностранным делам Марокко М. Бусетты, министра иностранных дел Иордании М. аль-Касема, министра иностранных дел Туниса Б. К. эс-Себси, министра иностранных дел Алжира А. Т. Ибрагими, члена Исполкома Организации освобождения Палестины М. Аббаса и генерального секретаря Лиги арабских государств Ш. Клиби.

Приветствуя делегацию, Ю. В. Андропов отметил, что прибытие в столицу Советского Союза столь представительной группы видных государственных деятелей арабского мира — явление уже само по себе весьма значительное. Мы рассматриваем его, сказал он, как еще один шаг в добром, конструктивном развитии советско-арабских отношений, которые в целом давно уже являются хорошими, но, наверное, могут стать еще лучшими, еще более полезными для дела свободного, независимого развития народов и укрепления мира на Ближнем Востоке и во всем мире.

Со своей стороны глава арабской делегации король Иордании Хусейн Бен Талал подчеркнул, что члены делегации рассматривают данную встречу как свидетельство тесного сотрудничества, существующего между арабскими государствами, арабскими народами и Советским Союзом, и как признание того высокого авторитета, которым пользуется СССР благодаря своей последовательной борьбе за мир и международную безопасность.

Было с удовлетворением отмечено, что подход Советского Союза к проблеме всеобъемлющего мирного урегулирования на Ближнем Востоке, изложенный в речи Л. И. Брежнева 15 сентября с. г., и одобренные общеарабским совещанием в Фесе принципы такого урегулирования фактически совпадают. Тем самым создается реальная возможность широких скоординированных действий с целью способствовать достижению подлинного мира в этом районе.

Беседа прошла в деловой и дружественной обстановке.

происков так называемых «доброжелателей» из-за рубежа.

Все выступавшие с глубоким волнением отмечали, что сплоченные Коммунистической партией народы нашей страны создают ныне такие художественные ценности, значение которых находится на уровне мировых достижений. Взволнованно и вдохновенно говорили об этом выступившие на пленуме народные артисты СССР Д. Банионис, М. Магомаев, А. Кааль, М. Биешу, Г. Товстоногов, Ш. Аббасов, народная артистка Туркменской ССР М. Аймедова, народная артистка Украинской ССР М. Стефюк; председатель правления Союза писателей Дагестана Р. Гамзатов, главный дирижер Государственной капеллы Армянской ССР О. Чекиджян, первый секретарь правления московской писательской организации Ф. Кузнецов, первый секретарь правления Союза писателей Казахстана Д. Мулдагалиев, председатель правления Союза художников Киргизии Т. Садыков, председатель правления Союза писателей Белоруссии М. Танк, народный художник Латвийской ССР И. Заринь, первый секретарь правления Союза писателей Таджикистана М. Каноат, первый секретарь правления Союза архитекторов СССР А. Полянский, председатель правления Союза художников СССР Н. Пономарев, первый секретарь правления Союза писателей Украины П. Загребельный, председатель правления Союза журналистов СССР В. Афанасьев, первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Л. Кулиджанов, председатель правления Союза художников Грузии Э. Амашукели, первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Хренников, политический обозреватель Центрального телевидения Ф. Сейфуль-Мулюков.

С большим подъемом участники пленума обратились к Центральному Комитету КПСС с приветственным письмом, выразив горячую поддержку решениям внеочередного Пленума ЦК КПСС.

Все выступавшие заверили Центральный Комитет КПСС, что мастера культуры всегда будут вместе с партией в решении грандиозных задач, стоящих перед советским народом.

●

ЕДИНОЙ СЕМЬЕЮ

Мая-Гозель **АЙМЕДОВА**, народная артистка Туркменской ССР, лауреат Государственной премии СССР

Выступление на объединенном пленуме правлений творческих союзов и организаций СССР и РСФСР.

«Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание,— приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана...» — этими словами В. И. Ленина мне хочется начать свое выступление сегодня, когда заветы Ленина так прекрасно воплотились в жизнь и когда мы празднуем свой большой, радостный праздник — 60-летие образования Союза ССР.

Эмоционально воспринимая взволнованные и волнующие выступления моих товарищей по искусству, поверьте, очень трудно не повториться, потому что они уже в какой-то мере выразили и мое волнение и мои мысли о том великом, что мы с гордостью называем чувством семьи единой...

Туркмены говорят: «Добрый сосед — дар судьбы». История не баловала мой народ добрыми соседями: полчища завоевателей — от Александра Македонского до Тамерлана, бесконечные набеги наемников всяческих шахов и ханов, межплеменная рознь, разжигаемая местными феодалами и духовенством, превращали оазисы в пепелища, опустошали города и селения. Гордый народ кровью отстаивал свою независимость и свободу, непокоренным уходил в пески. И, наверное, тогда-то и родилась поговорка о добром соседе как о даре судьбы.

Великий туркменский поэт и мыслитель Махтумкули, живший более двух веков назад, свято верил, что туркмены покончат с междоусобицами, сплотятся против иноземных захватчиков, восстановят свой край из руин и пепла. В стихотворении «Будущее Туркмении» он, великий провидец, писал об этом как об уже сбывшемся чаянии народа:

Единой семьею живут племена,
Для пира расстелена скатерть одна,
Высокая доля отчизне дана...
Здесь братство — обычай и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен...

Сегодня стихи Махтумкули звучат на многих языках мира.

Чувство семьи единой не только идейное, духовное, нравственное начало нашей жизни, это еще и боевая, созидательная, творческая сила нашего общества.

На международных кинофестивалях после просмотра нашего фильма «Дерево Джамал» зрители приходили к поразительному для них выводу: «Драму вашей героини, от которой в гордыне своей отвернулся муж, понял совершенно чужой человек. И человек этот — русский. Он помог ей в трудный час, привел к людям, на стройку большого канала. Вот ваше главное богатство: русский человек принимает близко к сердцу горе туркменки»,— говорили они.

Живет в одном из колхозов Теджейского оазиса славная и скромная туркменская семья хлопкоробов с простой русской фамилией Ивановы. Еще в двадцатых годах глава этого семейства назвал своего сына Иваном в честь русского друга, спасшего ему жизнь от басмаческой пули. У туркмен фамилии давались от имени отца. Так и появились от Ивана первые Ивановы — Огульбике, Реджеп, Торе, был даже Иван Иванов, сложивший голову за Варшаву... Туркмен Иван Иванов, свято исполнив-

ший свой сыновний солдатский долг.

В этой маленькой истории своеобразно воплотилась одна из связующих черт нашего единства — всеобщая благодарность подвигу великого русского народа, нашего старшего друга и брата.

Нынешний расцвет туркменской национальной культуры, особенно таких ее видов, как театр, живопись, кинематограф, во многом был определен братской взаимосвязью с другими национальными социалистическими культурами. Посланцы Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси стояли у истоков туркменского киноискусства, лучшие произведения которого вышли на международный экран. Стремительный, поражающий своими темпами рост искусства и культуры в наших республиках — яркий пример закономерности того, что при социалистическом образе жизни любому народу, еще вчера не имевшему даже своей письменности, предоставлена возможность за небывало короткий срок создать глубокое самобытное искусство. Без этого чувства — чувства семьи единой — были бы немыслимы героические свершения первых пятилеток. Оно стало одним из решающих факторов, кующих победу в годы Великой Отечественной войны. Без него мы бы не освоили казахстанскую целину, не подняли из руин Ашхабад и Ташкент, пострадавшие от землетрясений, не сумели бы строить БАМ, вырваться в космическое пространство Вселенной. Об этом очень хорошо сказал народный поэт Дагестана Расул Гамзатов: «Мы чувствуем себя сильными, ибо ощущаем за собой всю нашу огромную страну. Мы чувствуем себя красивыми, свободными, смелыми, потому что у нас есть верные друзья во всех республиках. Не язык и нация делают нас родными сегодня, а сердца и мысли».

Во мне еще живут черты характера моей героини из нового фильма «Каракумы, 45° в тени», только что снятого туркменскими кинематографистами. Гозель Довлетова — моя современница, женщина, возглавляющая самую молодую и мощную промышленность в республике — газовую. Освоение новых богатейших месторождений, строительство газопровода Средняя Азия — Центр — наша общая государственная задача. И, конечно же, судьба моей героини неотделима от судеб людей разных национальностей и одной Родины — Советского Союза.

Но и в этот праздничный день я не могу не сказать о том, что мы, актрисы, слишком редко получаем счастливую возможность создать на экране образ нашей современницы во всем реальном богатстве ее характера и в ее активном участии в коммунистическом созидании.

Как я уже сказала, по профессии я актриса. Но я еще и мать. И каждый вечер, укладывая своих детей, я не могу не повторять ником не слышимые, но для меня бесконечно дорогие слова — слова материнской души: пусть их сон никогда не нарушат бомбы, пусть их жизнь будет жизнью мирных тружеников. Ради этого материнские чувства сливаются с артистическими. И наша главная задача, товарищи, наша прямая обязанность — использовать всю силу нашего искусства во имя мира, во имя дружбы и братства народов.

В горячие дни страды на заготовительном пункте совхоза имени Буденного Сурхандарьинской области.
Телефото Ш. Олимова и И. Ходжаева (ТАСС)

ПОДАРОК ЮБИЛЕЮ

УЗБЕКИСТАН: ТРЕТИЙ ГОД ПОДРЯД 6 МИЛЛИОНОВ ТОНН!

Как непохожа хлопковая белизна на снежную. Истинный хлопкороб никогда не употребит такое сравнение. И повелось это издавна, когда урожай собирали сплошь вручную, а уборка затягивалась до декабрьских снегопадов. В советское время так собирали лишь первые миллионы тонн «белого золота». Теперь на полях ежегодно вызревает его столько, что даже машинам порой не хватает дня, и работа продолжается при свете прожекторов.

Непогода внесла в этом году свои поправки: из-за ее капризов десятки тысяч хлопкоуборочных машин часто простаивали, и самый трудный миллион тонн порой приходилось собирать руками. Точнее — выхватывать звездную россыпь белых комочков хлопка-сырца то из-под струй осеннего ливня, прикрывая спиной кусты хлопчатника, то из-под снега, согревая собственным дыханием коченеющие пальцы. Хлопок, разумеется, тут же отправлялся в сушильные камеры, а сборщики продолжали свое дело до тех пор, пока не прозвучал победный рапорт республики о выполнении не только плана, но и социалистического обязательства: третий год подряд Узбекистан дает более 6 миллионов тонн хлопка-сырца, на 110 тысяч тонн больше плана. Славный подарок к 60-летнему юбилею нашего многонационального государства.

Благодаря принятым мерам, большой помощи ЦК КПСС и Советского правительства резко повысилось качество хлопка. Первым сортом сдано около 70 процентов против 46 в 1980 году. Значительно возросло производство тонковолокнистого хлопка: при плане в 390 тысяч тонн государство получило 462 тысячи тонн. Это превышает уровень, запланированный на конец пятилетки. Используя каждый погожий день и час, механизаторы республики собрали около 60 процентов всего урожая, а механизаторы Ташкентской области — 87.

Претворяя в жизнь решения XXVI съезда партии, майского и ноябрьского (1982) Пленумов ЦК КПСС, труженики сельского хозяйства Узбекистана в сложнейших погодных условиях нынешнего года выполнили свои социалистические обязательства по продаже государству хлопка, зерна, овощей, картофеля, бахчевых, фруктов, винограда и других сельскохозяйственных культур. Со значительным опережением ведутся заготовки мяса, молока и яиц.

На только что состоявшемся Пленуме ЦК Компартии Узбекистана говорилось о том, что борьба за урожай 1982 года войдет в историю земледелия как символ героизма, трудовой доблести и отваги хлопкоробов.

Да, это настоящий трудовой подвиг! Завершив уборку, хлопкоробы республики сразу же начали готовить землю к посевной, к будущему урожаю.

Центральный Комитет КПСС поздравил с трудовой победой руководителей Узбекской ССР, всех трудящихся республики.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

ЦЕННАЯ ИНИЦИАТИВА КОЛЛЕКТИВОВ МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Бригада заводских вагоноремонтников (слева направо) — слесари А. Гранкин и П. Опанасенко, газоэлектросварщик А. Кривозубов и монтер А. Новиков

Фото А. Бочинина

ЗОВЕТ КРАСНАЯ СУББОТА

Рельсы, уходящие за проходную завода или фабрики,— обычная для московского индустриального пейзажа картина. Здесь, у заводских цехов,— истоки и устья напряженных транспортных артерий.

Как и большинство других столичных предприятий, Карачаровский механический завод свои основные транспортные проблемы решает совместно с железнодорожниками. По заводской ветке редкий час не проходят составы: доставляют металл, другие грузы, вывозят готовую продукцию. А она широко известна. Миллионы горожан пользуются дома и на работе пассажирскими лифтами марки КМЗ, звонят из сделанных здесь телефонных будок, покупают в его киосках журналы и газеты. И это не все. Строительные машины и подъемные механизмы, витражи и стальные конструкции везут отсюда поезда на большие и малые стройки.

Транспортный цех живет в одном с заводом напряженном ритме. На подъездных путях снуют тепловозы, рядом с почти разгруженным составом стали вагоны-порожняки, прибывшие за грузом с примыкающих станций Московской железной дороги. Погрузка лифтов идет быстро, по два в полувагон. Так, кстати, стали делать совсем недавно, когда перешли на пакетный способ упаковки. Выгода немалая: высвободили для других грузов уже больше четырехсот вагонов, да и простои заметно уменьшились.

— Наши машины ждут и строители и новоселы,— говорит начальник заводского транспортного цеха Н. Селеджиев.— Вагоны нужны просто позарез. И досада берет, когда они поступают «больными». Вот и приходится отправлять их обратно в ремонт, откладывать погрузку.

Теперь за восстановление «здоровья» вагонов берутся и свои, заводские бригады. Одиннадцать московских предприятий недавно выступили с инициативой, одобренной бюро городского комитета партии. Суть этого имеющего огромное хозяйственное значение начинания — обеспечить исправность каждого вагона и контейнера, отправляемого с Московского железнодорожного узла. Инициаторы подкрепляют слово делом. На ЗИЛе, например, своими силами ежемесячно ремонтируют по сто и больше вагонов. На 1-м ГПЗ с начала года привели в исправность уже более шести тысяч контейнеров.

На предприятиях столицы сразу оценили возможности, которые открывает собственное активное участие в подготовке составов к выходу на маршрут. Повсюду начали создавать специализированные ремонтные бригады, появились они и на Карачаровском механическом.

— Прежде всего,— отмечает директор КМЗ Евгений Ерохин,— это дает нам дополнительно десятки вагонов для срочных грузов. И железнодорожникам помощь и себе. И вот что еще важно: на глазах меняется отношение к вагонам заводских работников — почувствовали себя хозяевами...

Восстановление вагонов — дело непростое. Берясь за него, заводы рассчитывают на всестороннюю помощь специалистов-железнодорожников в обучении технологии ремонта, на регулярное снабжение материалами, оборудованием. На этих условиях заключаются договоры между железной дорогой и предприятиями, составляются планы совместных действий. По расчетам, заводские ремонтные бригады столичных предприятий смогут восстановить за год до 40 тысяч вагонов и 30 тысяч контейнеров! Вряд ли стоит пояснять, что это значит для железной дороги и для ее заводских партнеров.

...На Карачаровском механическом, не дожидаясь, пока развернется своя ремонтная железнодорожная служба, без промедления взялись за дело. Плотники, сварщики, механики в транспортном цехе умелые, осваивают новое ремесло на ходу. Пиломатериалы, запасные части поставляет депо. И вот уже восстановленные прямо на заводских путях вагоны встают под погрузку. Карачаровцы решили отремонтировать в красную субботу 18 декабря несколько вагонов и контейнеров. Они войдут в состав, который повезет значительную часть сверхплановой продукции, сделанной в день коммунистического субботника.

Павел УСТИНОВ

УСПЕХ «ШАКУНТАЛЫ» В ИНДИИ

Московский музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко недавно возвратился из гастрольной поездки по Индии. В репертуар гастролей были включены балетные спектакли «Лебединое озеро», «Штраусиана», «Гаянэ-сюита» и «Шакунтала», поставленная по пьесе Калидасы, великого индийского поэта и драматурга V века.

Наш корреспондент Г. ЛИТВАК обратился к главному балетмейстеру театра народному артисту СССР А. В. ЧИЧИНАДЗЕ с просьбой поделиться своими впечатлениями от этой поездки.

— Мы очень волновались, когда везли в Индию балет «Шакунтала» С. Баласаняна. В 1979 году мы с художником А. Лушиным, согласно договоренности между Министерством культуры СССР и Всеиндийским комитетом по культурным связям, были в Индии и изучали материал для будущей постановки. Там мы поняли, сколь ответственна и трудна наша задача. Дело не в том, что в Индии танцуют босыми, что танцы эти необычайно сложны и трудны. Основная сложность заключалась в решении постановочного плана, в создании либретто, которые бы и сохранили основные гуманистические идеи пьесы Калидасы, но и позволили бы сделать спектакль общедоступным, понятным для всех — без знания условностей древнего индийского театра. Кроме того, обычно в древнеиндийском театре счастливый конец является результатом доброты и мудрости богов. А нас такая концепция не устраивала, и мы решили, что счастливый финал будет результатом победы большой человеческой любви, чистоты и верности...

Как вы понимаете, трудность заключалась еще и в сценографии, в костюмах. Мы хотели передать в декорациях тонкую индийскую поэтичность, а костюмами подчеркнуть особую пластику тела, рук и ног. Все эти трудности мне и художнику помогали преодолевать индийский хореограф Мая Рао и кандидат искусствоведения М. П. Котовская.

Считаю, что самая главная причина успеха нашего балета «Шакунтала», получившего в Индии блестящую оценку зрителей, в том числе крупных профессионалов индийского театра и прессы, заключается именно в этих отступлениях от традиционных приемов древнего театра.

Выдающийся режиссер Шива Шанкар после премьеры балета «Шакунтала» в Калькутте горячо поздравил нас и сказал: «Как хорошо, что вы ни режиссерски, ни хореографически не копировали нас. Вам бы это и не удалось. В лучшем случае это был бы музей. А вы нам показали новую жизнь замечательной древней пьесы. Теперь нам придется подумать, сможем ли мы трактовать и показывать «Шакунталу» по старинке».

По-моему, это наивысшая похвала.

— Как отнеслись зрители к другим вашим спектаклям?

— Как говорится, обижаться не пришлось: шумный успех выпал и на долю «Лебединого озера» и «Гаянэ-сюиты»...

В поездке участвовало шестьдесят артистов балета, среди них народные артисты РСФСР М. Дроздова и В. Тедеев, заслуженные артисты РСФСР Г. Крапивина, М. Крапивин, Ю. Григорьев, А. Домашов и молодые солисты С. Цой, М. Левина, В. Кириллов...

Хочется подчеркнуть, что успех «Шакунталы» и других наших балетов в Индии является прежде всего успехом советского искусства, принципов нашего театра, его традиций, основанных на реализме балетного спектакля, на общедоступности происходящего на сцене, на использовании фольклора... И это, бесспорно, дает новые силы в дальнейшей работе.

Индира Ганди поздравляет главного балетмейстера театра А. В. Чичинадзе с успехом балета «Шакунтала».

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунок
Бор. ЕФИМОВА

РАЗВЕНЧАННЫЕ МИФЫ

Михаил ОЗЕРОВ

В ту субботу журналист Артур Опот, как обычно, играл в теннис на окраине Стокгольма. Потом сел отдохнуть. Около него остановился американец и предложил сыграть.

Закончив партию, они пили апельсиновый сок и беседовали. Американец (его звали Брюс Хатчинс) шутил, рассказывал анекдоты. Затем взглянул на часы, простился и ушел.

Опот не подозревал, что таким образом ЦРУ установило с ним первый контакт. Не знал он, конечно, и того, что план его вербовки уже занесен в специальное досье. И следующие шаги агенты ЦРУ делали в строгом соответствии с этим планом. Снова играли с Артуром в теннис, устраивали ленчи в ресторанах, гуляли в парке...

Почти у каждого человека есть те или иные слабые места, и шпионская служба использует их как козырь при вербовке. Когда Хатчинс начал свой решающий ход, Артур почувствовал, что по его спине побежали мурашки. Брюс сообщил, как много знают его люди об Опоте. О семье, финансовом положении, друзьях. Артур был просто сражен обилием точной информации. После всего этого американец сказал, что двоюродный брат Опота арестован в одной из африканских стран.

— В настоящее время его пытают, — бесстрастно заметил Брюс. — Если же ты станешь сотрудничать с нами, мы сделаем так, чтобы этот парень был немедленно освобожден. О'кей?

Артур кивнул головой. И стал еще одним агентом ЦРУ. Хатчинс проводил десятки подобных операций и всегда без промаха. Но на сей раз это оказалось крупнейшим просчетом, когда-либо совершенным ЦРУ в Швеции.

Почему? Опот лишь для видимости принялся выполнять задания ЦРУ. Он решил написать статью об американском шпионском ведомстве и, собирая материалы, пока что передавал Брюсу ложные сведения. То же делал Артур и в Анголе, куда его вскоре направили новые хозяева.

Хатчинс считал себя специалистом, который никогда не ошибается. Тем более что за плечами богатый послужной список: много лет работал в Москве, затем в Хельсинки. Когда в шведской газете появилась статья, подробно рассказывающая о том, как ЦРУ вербовало Опота, Брюс тут же ретировался за океан. Вскоре МИД Швеции официально уведомило посольство США, что шведское правительство «серьезно озабочено» деятельностью Хатчинса. Это был самый сильный дипломатический протест Швеции Соединенным Штатам.

История с неудавшейся вербовкой Артура Опота приводится в книге, которая только что вышла в свет [1]. Ее название говорит само за себя. Как и имена составителей. Бывший сотрудник ЦРУ Филип Эйджи хорошо известен нашим читателям. В 1979 году на русском языке была издана его книга «За кулисами ЦРУ». Льюис Вулф — видный американский журналист, много лет расследующий деятельность шпионских ведомств США.

«О ЦРУ уже столько написано, нужна ли еще одна книга?» — может спросить иной читатель. Действительно, об этой организации мы немало читали, слышали, видели фильмы. В последние годы ЦРУ буквально захлестнула волна разоблачений, и весомую лепту внес Ф. Эйджи. Тем не менее многое из того, что происходит в Лэнгли (предместье Вашингтона, где расположена штаб-квартира ЦРУ), по-прежнему окутано плотной завесой секретности. Более того: над заокеанскими джеймсами бондами еще порой появляется ореол эдакой романтики. Создан он, конечно же, при их собственном активнейшем участии. И одна из главных заслуг книги «Грязная работа ЦРУ в Западной Европе» состоит как раз в том, что авторы успешно развенчивают мифы об этой секретной организации.

Что же это за мифы?

Самым устойчивым Ф. Эйджи справедливо называет легенду о том, будто ЦРУ занимается в первую очередь лишь сбором разведывательной информации о Советском Союзе. Со страниц книги в полный рост встает шпион, готовый пойти на все, что угодно. На шантаж и угрозы. На взлом чужой квартиры. На подготовку диверсантов. На убийство. На государственный переворот...

И даже если в данный момент он лишь собирает информацию, то чуть позже вполне может начать подкладывать бомбы, стрелять, пытать. И делать это он будет и против дружественных Соединенным Штатам государств.

Собственно, именно о странах, которые вроде бы являются союзниками Вашингтона, и идет речь в книге. В одной из статей мы узнаем об огромном внимании, которое проявляло ЦРУ к Испании после смерти Франко, о том, как оно подталкивало страну вступить в НАТО, слепо следовать курсу Белого дома. Другая статья разоблачает операции ЦРУ в Греции, попытки свергнуть «несимпатизирующее» правительство (не симпатизирующее, конечно, американцам!). Перед читателем появляются шефы ЦРУ в западноевропейских государствах, в том числе Хью Монтгомери (резидент в Италии) и Ричард Уэлч (резидент в Греции). Авторы раскрывают «крыши» ЦРУ в ФРГ, Англии, Швейцарии, подробно и убедительно пишут о тесных связях американской и французской спецслужб, о том, как заокеанские шпионы поддерживают «Общий рынок». В одной из статей говорится об использовании в целях шпионажа западноевропейских журналистов.

Писатель и экономист Син Джервази привел такую цифру — 265 миллионов долларов. Эту сумму ЦРУ ежегодно ассигнует на «пропагандистское подкрепление» тайных операций. Выполняют сию задачу три тысячи сотрудников Лэнгли. И выполняют чрезвычайно активно — вспомним, например, кампанию по дискредитации правительства Альенде в Чили, поворот вправо политического курса в Португалии в 1975 году, предотвращение «полевения» Великобритании на парламентских выборах 1979 года...

В книге справедливо делается вывод, что ЦРУ распространяет миф о сборе информации только против СССР для того, чтобы скрыть правду о том, что оно в действительности делает.

Широко распространена еще одна легенда, о том, будто ЦРУ — некий «слон-отшельник», у которого нет погонщика, то есть будто американские спецслужбы никто не контролирует. От этого домысла книга тоже не оставляет камня на камне. Мы убеждаемся, что практически любая тайная операция не является тайной для президента и его ближайшего окружения. Более того, бывший государственный секретарь Г. Киссинджер признался комиссии палаты представителей по расследованию деятельности ЦРУ, что «каждая операция санкционируется лично президентом». А вот вывод, к которому пришла эта комиссия: «Все имеющиеся данные говорят о том, что ЦРУ отнюдь не было бесконтрольным, а строго выполняло инструкции президента и помощника президента по вопросам национальной безопасности».

...Каждое утро чуть раньше восьми часов на углу лондонской Саут-Итон-плейс появлялся привратник в белом пиджаке. Он осматривал улицу и возвращался в высокое светлое здание. Через несколько минут из гаража выскальзывал длинный «седан». Шофер — плотный совершенно лысый человек в темных очках — тоже внимательно разглядывал улицу. Наконец из подъезда выходил мужчина лет пятидесяти, высокий, подтянутый, с седыми волосами. Он располагался на заднем сиденье, и машина тут же отъезжала.

Это был Корд Мейер — резидент ЦРУ в Лондоне. И не только в Лондоне — он практически руководил всей работой Центрального разведывательного управления в Западной Европе. Мейер сделал карьеру в том подразделении разведки, которое известно как «департамент грязных дел». Он и его коллеги проникали в профсоюзы Западной Европы и Латинской Америки, помогали свержению правительств в Иране, Гватемале, Гайане, Бразилии, Греции, Чили. Работая в Лондоне, Мейер отвечал и за тайное субсидирование НСС — Национального союза студентов, стремясь «нейтрализовать» среди молодежи коммунистическое влияние. Когда об этом стало известно, разразился громкий скандал.

Операции ЦРУ отвечают потребностям и политике США. Потому любое американское правительство, будь то демократы или республиканцы, дает зеленый свет ведомству «плаща и кинжала».

Попробуй оно этого не сделать! Его тут же бы обвинили в пренебрежении национальными интересами. Ведь еще один миф основывается как раз на том, что «ослабление ЦРУ откроет шире двери для экспансионизма Советского Союза и его последующего мирового господства». Как видим, и джеймсы бонды вовсю пользуются пугалом «красной угрозы». Того же, кто критикует ЦРУ, немедленно обвиняют в предательстве и наклеивают ярлык «агента Кремля». И хотя до сегодняшнего дня службам безопасности США ни разу не удалось доказать, что тот или иной человек, осуждающий ЦРУ, является агентом иностранной державы, ссылки на «красных шпионов» — излюбленное пропагандистское оружие в Лэнгли.

Конечно, главный враг ЦРУ — Советский Союз. Первый инструмент тайных операций управления — отдел политической координации (ОПК) — был создан в 1948 году директивой, которая ссылалась на «злостную тайную деятельность СССР». ОПК разрешалось участвовать в тайной политической, психологической и экономической войне. С тех пор американская разведка продолжает во все более широких масштабах вести войну против Советского Союза.

...Книга «Грязная работа ЦРУ в Западной Европе» не только читается с интересом. Она полезна и необходима. Необходима для борьбы со сторонниками «холодной войны». Она аргументированно и убедительно разоблачает мифы Центрального разведывательного управления и преступления, которые ими прикрываются. «Люди многих национальностей и различных политических убеждений, — подчеркивается в книге, — могут сотрудничать, чтобы ослабить ЦРУ и другие разведывательные службы, ведя борьбу против политических репрессий и экономической несправедливости».

С этими словами нельзя не согласиться!

[1] Грязная работа ЦРУ в Западной Европе. Сборник материалов. Составители Ф. Эйджи и Л. Вулф. Воениздат, М., 1982.

КНИГА ОБ ОТЦЕ

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ПРИЗНАНИЯ НИНЫ МАХНАЧ

— Не может быть!— Инна обомлела: спокойная высокая юная красавица стояла перед нею в дверях. И дохнуло на Инну детством, жарким запахом убегающей от врага теплушки, осенним пьяным духом сена, обжигающе неприятным запахом гари. Тень вражеского самолета пронеслась над коммунальной дверью, обдав Инну страхом.

Она долго не хотела идти к Нине. Ей казалось, что оскорбит мать, даже предаст ее, если явится знакомиться и, может быть, даже дружить с Ниной. Никогда не расспрашивала Катерину об этой истории, а те, кого расспрашивала, ничего путного сказать не могли. По всему выходило, что истории никакой и не было — просто отец однажды помог ей в трудную минуту, она благодарно влюбилась в него и пролюбила безответно всю свою жизнь.

Если это в самом деле так, то почему «графиня» без конца увиливала от ответов на прямые и косвенные вопросы Инны об этой женщине и отце? Почему Дарья Петровна, говоря, что «Нинка, как кошка, влюбилась в Никая», не вспомнит ни одного эпизода, не расскажет ничего интересного о Махнач.

Прийти к ней и спросить: «Вы любили моего отца? Расскажите!»

А что рассказать? Можно прийти якобы попросить вспомнить былые годы, совместную работу с Николаем Сергеевичем. Можно, конечно, но именно потому, что у Инны была так называемая «задняя мысль», она не могла выглядеть естественно, а притворяться с годами совсем разучилась.

«Кто это? Неужели она? Не может быть! Такая молодая!» Сколько лет прошло? Около сорока? Не она! Не может быть! Почему-то возник в памяти портрет Дориана Грея, и в ту же секунду красавица сказала своим грудным голосом, знакомым Инне, как взгляд, как вся фигура:

— Лусяᅟ! Я вас давно поджидаю.

Они прошли длинным, скрипучим коммунальным коридором, где на грязно-синих стенах, высоко под потолком висели корыта, велосипеды, а у стен стояли то ли сундуки, то ли ящики, накрытые грязно-коричневыми тряпками, и из высоких двустворчатых дверей, обитых коричневым дерматином, с вылезающей из длинных щелей ватой, то там, то тут выглядывали, привлеченные звонком, древние старушонки. Они обжигали Инну короткими жадными взглядами. Нина Махнач шла впереди, не замечая их. Инне казалось, что шли они целую вечность. Длинный коридор в каком-то месте вдруг изогнулся, потолок стал низким, двери по обе стороны коридора тоже уменьшились, и корыта низко нависли над головами.

— Осторожно! — не оборачиваясь, сказала Нина. Они стали подниматься по лестнице в самом конце коридора. Инна зачем-то пересчитала ступени — их было десять, а десятая венчалась дверью, и следовало нагнуться, чтобы войти.

Несколько секунд Инна не могла понять, что это перед ней ослепительно-прекрасное, прежде невиданное и знакомое. Огромным полукругом от потолка до пола была панорама Кремля, лишь по краям стиснутая новыми строениями Зарядья. Озаренные солнцем купола Ивана Великого перекликались с луковками Василия Блаженного, посверкивали главы Архангельского и Успенского соборов, ярко желтел Большой Кремлевский дворец — и все это великолепие опоясывал ярус кремлевской стены со всеми башнями и ярус Москвы-реки, удивительно, неправдоподобно голубой. Пожалуй, этот голубой цвет был самым сильным впечатлением Инны. Забыв обо всем на свете, она думала: «Почему река голубая, ведь она так засорена, и что это такое — картина, панорама или окно, обыкновенное окно в комнате коммунальной квартиры?»

Нина, стоя чуть в стороне от Инны, с удовольствием наблюдала ее удивление. Видно, не первый раз приходилось ей поражать гостей картиной обыкновенного окна и, видно, не устала она радоваться производимому впечатлению.

Инна пришла в себя, посмотрела на хозяйку:

— Я ничего подобного не ожидала! Разве здесь можно жить? Как на параде.

— Увы, через месяц весь дом выселят. Меня этот вид сделал своей пленницей, много бывало возможностей перебраться — не могла: как подумаю, что не будет этого, тошно.

Инна огляделась. Комната была большая, совсем круглая. Удивительное окно занимало целый полукруг. Справа от двери стояла огромная тахта, низкая, со множеством цветных подушек и подушечек. Слева — письменный стол, старый, типа бюро со множеством выдвижных ящиков и ящичков, а над ним висел большой портрет Николая Кочерно в самую его прекрасную пору, с полковничьими погонами на плечах, грудь в орденах, глаза ясные светятся даже на фотографии. Это было увеличение небольшого снимка, хорошо знакомого Инне.

Кроме тахты и стола, в комнате ничего не было. Женщины сели на тахту. Нина посадила гостью лицом к окну, дабы та любовалась пейзажем, но та уже в окно не смотрела — она увидела при свете дня то, что было скрыто в темноте коммунального коридора: пергаментную кожу, тяжелые складки под глазами, усталую шею и морщинистые руки, покрытые серыми пятнышками. Старая Нина Махнач была, однако, и в старости своей удивительно молодо красива. Молодость давала ей фигура, почти девическая, худая, длинноногая, спортивная. Юбка тесно облегала бедра и широко распадалась на коленях, блуза, простая, почти мужская, с закатанными рукавами, казалась на ней модным нарядом. Ни единого украшения — зачем украшать красоту, пусть даже увядшую?

— Вы сказали, что давно поджидаете меня? Почему?

Махнач ответила:

— Хотите чаю? — И, не дожидаясь согласия, налила из чайника в стоящую на полу чашку нечто нежно-пахучее, сладкое.

— Какой необычный чай!

— Да, я завариваю разные травы — тут и мята, и душица, и зверобой. Полезно.

Инне снова показался нелепым и ненужным визит к женщине, всю жизнь любившей ее отца и не получившей взаимности. Бестактно бередить старые раны только потому, что ты хочешь знать подробно, что за человек был твой отец.

— Почему же бестактно? — послышался грудной голос Нины.— И потом откуда вы взяли, что у меня старая рана? Напротив. Вон, фотография висит, каждый день ее вижу. Вы думаете, она меня растравляет? Я привыкла к ней, как к этому виду из окна, как к любому предмету своей комнаты.

— Расскажите о нем, мне важно все, каждая деталь...

— Вы что, книгу пишете?

— Прежде всего хочу понять его.

Махнач засмеялась легко, свободно:

— Понять Кочерно! Хочет собственная дочь! После его смерти. А где вы были, когда он был жив? Впрочем...

— Нина...

— У нас с ним одно отчество. Я Сергеевна.

Они молча смотрели друг другу в глаза. Слова объяснения, оправдания переполняли Инну, но таяли, становились ненужными под горячим, глубоким, казалось, все пронзающим взглядом.

Было три часа весеннего дня, такое время суток, когда чувствуешь себя несколько устало. Солнце медленно уходило из круглой комнаты, вид Кремля становился более глубоким, таинственным. Река стала серой.

— Мне нечего рассказать, поверьте. Да и к чему мои истлевшие чувства, которым, как вам известно, не было ответа? Разве они помогут понять его? И потом, по-моему, нет ничего проще, чем понять Кочерно. Он ясен. Выпейте еще чаю. Эти огромные люди, привыкшие защищать других, часто совершенно беззащитны перед какой-нибудь гадкой молью.

— Вы хотите сказать?..

— Ничего не хочу. Просто наблюдение.

Они опять молчали. Инна понимала, что уйдет ни с чем, однако не торопилась уходить, словно магнит притягивали и пугающе завораживали ее глаза этой женщины.

— Нина Сергеевна, почему вы сказали, что давно меня ждете?

— А-а, это я напрасно сказала. Растерялась, вас увидев.

— Растерялись?

— Вы так эгоистичны и влюблены в себя, что вообще могли бы уже забыть имя отца. Его нет, ничего для вас сделать он не может, нечего и помнить. Я ошибаюсь? Вы спохватились. А может быть, просто бизнес решили сделать на его имени?

Этот внезапный переход к нападению обезоружил Инну. Она сидела, не шевелясь, машинально помешивая ложкой остывший чай. А пламя гнева перед нею колебалось, взлетало вверх, опадало, тлело еле видным огоньком и вновь разгоралось:

— Всю жизнь ваша семья висела на нем, как кирпичи на шее. Вы поедали его, высасывали кровь, требовали, приказывали, погоняли. Вы бесстыдно пользовались его невероятно добрым характером. Вы знали, что он никуда не денется от вас, поэтому были особенно наглы. Вы все внушали ему, что любите его, заботитесь о нем, впрочем, вы лично о заботе не внушали, вы просто были любимым кирпичом, выгодно существовали при нем и без-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41—46, 48, 49.

А. Левитин. Род. 1922. АВРОРА. Из серии «Октябрьские ночи».

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

А. Яковлев. Род. 1934. СЕДЬМАЯ ВЕСНА БАМа. (Бригадир Ю. Ширинский).

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина»

дельничали, как хотели. Когда-нибудь хоть одной из вас пришло в голову посмотреть на него и увидеть в нем живое существо, нуждающееся в помощи и защите? Вы не знали, как ему бывало трудно и плохо, как он бывал безгранично одинок, растерян, слаб. Как он был болен в последнее время. Как он был разрушен интригами против него. Он привык к одиночеству, хотя все вы толклись у него на глазах, мешали ему, надоедали. Золотые волосы, золотые волосы! Хороши были в молодости. А что кроме? Беспричинное самолюбование? Да жалкий страх быть покинутой женой!

«Это она о моей матери! Почему же я сижу, как мумия, слушаю эту злобную мещанскую чушь? Какое право имеет эта старая змея (Нина и в самом деле чем-то непонятно походила на змею) поносить мать?»

Нет, не отцовская, не материнская, своя собственная, невесть откуда взявшаяся черта характера — в минуту наибольшего возмущения вдруг впадать в полнейшее хладнокровие. Эта черта часто давала Инне победу.

— Все это прекрасно, что вы говорите. И совершенно справедливо. Спасибо за добрые слова. Но почему, скажите мне, вы, такая красивая, не смогли увести его, такого несчастного, если так любили? Почему это он предпочел остаться с подлой золотоволосой?

Нина глотнула воздух, встала, отошла к окну. Победительная спокойная интонация в голосе дочери Николая Кочерно остро напомнила ей его. Нине вдруг стало стыдно за свой неоправданный срыв. Если бы она в самом деле думала так, как только что говорила. Впрочем, нет, конечно, она так думала, но и не только так. За всю свою долгую жизнь она передумала множество ситуаций, в которых Кочерно был главным героем — то страдальцем, то победителем, то совсем великомучеником. За что ей было дано это чувство — в наказание или в награду? Она любила так долго, так сильно, так безответно, что, казалось ей, давно имела право на все. Но что такое было это «все»? Тем более, что самого героя уже не было на свете. Даже его уход почти ничего не изменил в ней — она настолько привыкла не видеть его или видеть издали, что почти не замечала его отсутствия на земле. Она снова привычно ушла в мысли о нем и совсем забыла, что Инна сидит за ее спиной, молча ждет продолжения комедии. Кремлевская красота потемнела, но до заката еще было далеко. Сколько стояла Нина у окна, неизвестно, повернулась — дочь Николая Кочерно сидит в той же позе с чашкой в руке, чуть наклонив голову. Нина увидела, как она на него похожа. Сходство раздражило ее — похожих на него нет и не может быть! И все же она заставила себя перебороть неприязнь. Что сказал бы он? Ему бы Нина сегодня совсем не понравилась.

«Ты нравишься мне добрая!» — однажды сказал он. Однажды? Единственный раз. И хватит. Зачем такое повторять? Вспомнив его слова, Нина почувствовала, как волна любви и жалости к его дочери обняла ее.

«Я, кажется, схожу с ума. Возьми себя в руки. Посмотри внимательно на девочку»,— приказала себе Нина.

Она посмотрела и увидела все, что было в «девочке»: не так уж много, но и немало. Она увидела сильный несбывшийся характер, задавленный московским благополучием, ум, разбавленный необязательным характером работы, которую приходилось делать Инне, нерастраченные чувства, ибо в растрате их никто не нуждался — отец, потому что сам тратил на нее свои безвозмездно, муж и сын жили свои жизни и не хотели беспокоить себя порывами с ее стороны. Она увидела потерянность этой женщины, его дочери, точно такую же потерянность, которую пережила и осилила сама, ненужная Николаю Кочерно. Видно, дети и мужья не спасают от одиночества. Увидела она, что у Инны болит голова, и, подойдя к ней близко, сказала своим грудным голосом:

— У вас часто болит голова. Нужно быть поспортивнее. Возраст не девичий.

Хозяйка удивительной комнаты села рядом, вытянула перед собой длинные ноги.

— Какая вы еще красивая! — искренне вздохнула Инна.

— Я урод! — уверенно и спокойно произнесла Нина Махнач.— Всю жизнь нравилась только женщинам. Они ахали, обсуждали мою красоту. Пристально наблюдали, кого себе выберу в мужья. Потом, увидев, что никого не выбираю, стали подсовывать своих кандидатов. И, знаете, попадались неплохие экземпляры. Но я никому не нравилась. Они с удовольствием ходили со мной в рестораны. Особенно в театры, где можно было меня показать. И после расставались у порога. Редко кому приходило в голову поцеловать меня. Помню двух-трех смельчаков — я их достойно отвадила, одному, правда, с отчаяния, дозволила приблизиться — он так перепугался, что губы пересохли. С тем и ушел.

Нина разговорилась, развеселилась. Щеки раскраснелись, она снова выглядела почти молодою.

«Какая странная, тревожная женщина!» — мелькнуло у Инны.

— Голова не болит? — участливо спросила Нина и продолжала с удовольствием вспоминать, как ее красота никому не нравилась.

— А, нет, нет, вспомнила, был у меня человек — поклонник красоты. Дедушка Хаим. Да что был — есть.

— Он жив? Неужели? — удивилась Инна.

— Представьте. Ему около ста. Но он еще молод. Читает. Пишет поздравительные открытки. Раз месяц я вывожу его в кино. Гита умерла, сын тоже. Ира и Юра живут в разных городах. А он здесь, в Москве, с невесткой, помните ее?

— Та, которая была неизлечимо больна?

— Та самая. Она до сих пор тяжело болеет. Лет десять назад вышла замуж за отставного генерала. Он очень уважает ее болезни. Дедушка Хаим — прелесть. Он мне всегда в любви объясняется. «Если бы,— говорит,— скинуть мне годков шестьдесят, я бы не позволил вам с такой красотой в старых девах себя иметь».

— А как же Слепов? — неожиданно спросила Инна. Так хорошо, к месту пришелся этот вопрос. Он снова возвращал обеих женщин к любимому и опасному предмету.

— Кто? — притворилась Махнач.

— Папин друг детства, Дмитрий Слепов. Я слышала, что он влюбился в вас, когда приезжал на Урал в командировку, и там у отца с ним из-за вас вышла ссора.

— Инна Николаевна, вы когда-нибудь читали пьесу Чехова «Без названия»?

— Да. То есть нет. Ну, читала. Мама в молодости ставила ее на сцене. Там герой такой — все в него влюбляются.

— Как в вашего отца, верно?

— Почему же как в него? Я, кроме вас, никого не знаю...

— А я знаю. И многих. Это все мои товарки по несчастью. Как и я, безответные. Почти.

— Почти?

— Знаете, дочь не должна переходить некоторых границ.

— Почему вы заговорили о Чехове?

— Просто вспомнилось.

— Как это связано со Слеповым?

— С ним? Никак.

— Я спросила вас о Слепове не по бестактности, не из любопытства. Собственно, вот уже битых,— она быстро взглянула на часы,— два часа мы сидим и выясняем то, что давно ясно. Морочим друг другу голову. Вернее, я вам морочу,— поправилась Инна.— Да, Монистов писал книгу об отце. Я собирала для него материалы. Он умер, и книги не будет. Но именно Монистов хотел восстановить справедливость. Об отце в последнее время перестали упоминать. Вернее, его имя выпало из перечня конструкторов, хотя никакой внешней причины не может быть. В бумагах Монистова я нашла ряд воспоминаний и сама встречалась с людьми. У меня возникло подозрение, что Слепов — враг отца и даже после смерти вредит, тем более что по положению ему это совсем нетрудно. Кроме вас, мне помочь некому. Я не прошу вас рассказывать мне подробности своей биографии, но если вы считаете нужным, помогите разобраться, в чем дело — почему имя отца стали замалчивать теперь, спустя пять лет после его смерти. Имена двух его соавторов, Векшина и Холодова, везде есть, а отца как не было.

— И вас это оскорбляет? Вы хотели бы слышать фанфары? Это облегчило бы вам жизнь — как же, дочь знаменитого отца!

Инне захотелось ударить ее. Нина улыбнулась:

— Хочется ударить?

— Ах, я не знаю,— Инна поднялась.— Простите, я отняла у вас...

— Отняли. Всего хорошего.

Она снова вела Инну по длинному коридору, и снова вековые старушонки выползали на звук их шагов, мальчик лет пяти проехал на трехколесном велосипеде, крича «би-би!». Был светлый летний вечер. На улице Инна широко, освобожденно вздохнула, словно сбросила нежеланную тяжесть. Может быть, и следовало прийти к Махнач, лишь для того, чтобы ничего не узнать. Конечно, отец не мог полюбить такую, такую... А какую? Инна не могла сформулировать. Отец любил мягкую, добрую, все понимающую, с золотыми волосами, ничем не похожую на змею. На какое-то мгновение Инна подумала, что Нина сидит сейчас у себя в круглой комнате и читает эти ее мысли. Она даже оглянулась. И засмеялась:

— Пусть читает.

Нина Махнач устала. Она так устала, что невозможно передать. Не зажигая света, села на диван, откинулась, подоткнула подушку поудобнее. В окне догорал закат, и все купола и шпили Кремля стали темными. В такое время дня от них, казалось, веял ветер войны. Нине было грустно оттого, что его дочь оказалась такой обыкновенной, такой бледной и незначительной женщиной со своими мелкими поисками мелкой истины: не упомянули в книге. И радостно ей было оттого, что она сегодня говорила о нем не сама с собой, а с живым человеком, существом, происшедшим от него, и снова воздух комнаты накалился воспоминаниями...

...Слепов появился на заводе в самый разгар войны. Нина рисовала плакат к его приезду «Привет дорогому гостю!».

Она любила комсомольскую работу, в ней забывалась, чувствовала себя совсем девчонкой. Даже безответная любовь Нины к Николаю обладала неким завидным здоровьем. Она никогда не плакала, никогда долго не переживала волнующие сердце события. Она даже как будто и не нуждалась в его ответе — он был с нею каждую минуту, она умела вызвать его образ и не отпускать от себя до той поры, пока не уснет, а во сне бывало — он тоже приходил к ней.

Да, Слепов приехал, как кум королю. Обошел завод со свитой. КБ оставил на закуску. Нина лично вешала плакат «Привет дорогому гостю!», когда он появился в дверях конструкторского бюро. Она спрыгнула со стула, засмеялась и, улыбнувшись Слепову, показала рукой на плакат:

— Вот!

Вечером она сидела рядом с ним на банкете в его честь.

Она сделала все, чтобы он влюбился в нее. Она сделала все, чтобы эта дубина Кочерно увидел и понял, что в нее влюблены, и не кто-нибудь.

Слепов был вдовец. Он потерял жену в первые дни войны — она была у родителей в Белоруссии, а что стало с Белоруссией, всем известно. На исходе второго дня своего пребывания на Урале в убогой заводской гостинице при свете одинокой грязной лампочки Слепов сделал Нине предложение. А за пятнадцать минут до этого, прощаясь со Слеповым и Ниной, Николай отвел ее в сторону и шепнул:

— Ты давай на него нажми, чтобы он свои обещания выполнил. Особенно с отоплением в детском доме. Вся надежда на тебя.

Нина обмерла. Значит, он все видит, все понимает и на него все это не производит никакого впечатления, нет, производит: он хочет из этого извлечь выгоды для дела. Для дела!

Она готова была закричать, завыть от боли. Значит, никогда-никогда он ничего не понимал, значит, он не знал даже о том, что она любит его, не знал, дубина стоеросовая!

Она не требует взаимности, но понять, почувствовать ее отношение он мог? «Такой чуткий!» — говорят о нем люди. Значит, сейчас

он идет к себе в КБ — домой еще рано, он привык сидеть до глубокой ночи — и весело потирает руки, думая, что Слепов у него в кармане. С помощью Нинкиных чар.

И уж, конечно, знает, что́ сейчас произойдет между ними. Нина теряла голову от гнева, возмущения, ненависти к Николаю.

«Ну подожди же,— думала она,— покажу я тебе отопление!»

Но как она и что покажет — не знала.

Слепов поведал ей о смерти жены, о внезапном чувстве к ней, Нине, пусть всего два дня знакомства, но он уверен, что это сильно и серьезно, нарисовал ей картину жизни в Москве, и она не могла не признать, что картина заманчива. Потом он еще что-то долго говорил ей — она не слушала.

— Так как? — спросил он, и она очнулась.

— Я не могу принять решения,— сказала она спокойно и уверенно, — не спросив у Николая.

— Какого Николая?

— Вашего друга детства.

— При чем тут Николай? — спросил Слепов и покраснел.— Разве о таком у начальников спрашивают?

— Я люблю Николая и сделаю, как он скажет! — так же спокойно и медленно сказала она. Ушла, не велев провожать.

Он кинулся к Николаю за объяснениями. О чем уж они говорили, что выясняли, но утром, едва Нина пришла в КБ, Николай вышел навстречу и, взяв за руку, увел к себе.

— Ты что, с ума сошла? Что ты там Митьке нагородила вчера ночью? Он меня во всех смертных грехах обвинил. Когда это мы с тобой жили?

Сказал слово, запнулся, покраснел, как от горькой редьки.

— Я не говорила, что мы жили.— Она тоже запнулась на этом слове, но не покраснела. Она не умела краснеть.

— Не говорила?

— Нет.

— Поклянись!

Она улыбнулась.

— Честное комсомольское.

— Ладно, тогда зачем тебе нужно мое согласие на брак с Митькой? Выходи, Нинуля, он парень молодец. Я с ним вот с таких пор, с горы катались, в солдатики...

— Ты мне приказываешь выйти за него?

— Да что за комедия? Приказываешь! Хочешь — выходи, хочешь — нет. Я тебе что, отец родной?

— Ты моя любовь,— ровно, безучастно сказала Нина, и это прозвучало почти как «ты преступник», «ты негодяй».

Она смотрела на него прямо-прямо, огромными очами, и это лицо, такое необыкновенное, такое красивое, такое сильное и молодое, вызвало в нем оцепенение. Никогда не узнала ясновидящая Нина, умевшая читать чужие мысли, что вспоминал он, глядя в это лицо, и кого оно ему напоминало. Ту женщину, ту молодую монашку, беззащитно лежавшую в алтаре, ту мертвую с раскинутыми руками и немым вопросом к беспомощной богородице над нею. Нина всегда напоминала ее. При первой встрече он даже оторопел, потом привык, тем более что характер Нины никак не совпадал с теми ощущениями, которые вызывало в нем воспоминание: там он был полон жалости и сострадания, здесь сильный характер — кремень, который сам мог так пожалеть, что еле ноги унесешь.

Слепов уехал расстроенный, печальный, они совсем рассорились с Николаем, а по заводу поползли слухи и достигли Катерины. При встрече она вопросительно взглянула на Нину, та подошла и сказала:

— Тебе это ничем не угрожает.

Но дружба их кончилась. Кончилась и дружба Николая со Слеповым; впрочем, она и без того была прервана долгими годами разлуки. А отношения Нины и Николая неожиданно улучшились: он стал с ней заботлив и внимателен. Сплетни походили, походили и утихли, как всякие сплетни без подтверждения. Они никогда не оставались вместе, никогда нигде не встречались, но по делу он говорил с ней необычайно ласково и нежно. Она не знала, что вошла после своего объяснения в большой круг людей, которых он жалел, потому что они были слабыми. Им предстояли встречи в Москве, куда она не замедлила поехать, естественно, следом за ним. Нигде ничто ее не держало, одну-одинешеньку на белом свете.

В Москве Нина долгие годы работала в управлении у Николая, и за давностью лет оба не вспоминали истории со Слеповым, который еще больше вырос по службе, давно женился, вырастил детей. Нина оставалась одна. Было время, одиночество тяготило ее — она завела собаку, маленькую собачонку, беспородного, трусливого кобелька, который всегда дрожал. Нину это умиляло. Она оберегала его и так изнежила, что он умер от простуды. Заводить другого пса она не стала — это было изменой Пушку. Постоянство ее не знало предела, но стало бессмысленным, увы. Не то чтобы она продолжала одержимо любить своего героя — все притупляется с годами, даже у однолюбов, но факт есть факт: все касавшееся его было ей нужно, интересно, необходимо. Работая с ним вместе, она была в курсе всех его проблем, они виделись часто, но разговаривали лишь по делу. Она младше его на пять лет, взяла пенсию, как радость, тем более что в последнее время пристрастилась к занятиям йогой и встречам с людь-

ми, философствующими на разные отвлеченные темы, которые ей тоже хорошо удавались. С годами она стала думать о нем с некоторой насмешкой, полуснисходительно — он обрюзг, постарел, в нем не было прежней победительной силы, и однажды она даже подумала, глядя на его тяжелую походку: «Как я могла? Столько лет!» Тут же оборвала себя: он лучше всех. Признаться в том, что его не следовало любить, значило перечеркнуть свою жизнь. Ради чего? Кого?

Уход его на пенсию она объяснила, точно ориентируясь в обстановке: Николай развязывает себе руки. Пока он на месте, не имеет права поддерживать отвергнутый вариант машины. Значит, должен работать против нее. Это противоречит его принципам. Уйдя, он начинает борьбу за отвергнутую холодовскую машину уже как частное заинтересованное лицо со знанием и опытом. Наверняка сделает все возможное. У него есть дар убеждения, когда уверен в своей правоте. Никто не устоит.

Однажды она встретила его на улице. Была зима, он ехал на дачу. Они поговорили, поулыбались — он чуть смущенно, она печально.

— Там холодно, на даче? — спросила она.

— Нет, я топлю печь.

— Люблю потрескивание дров в печи!

— Поедем со мной? — вдруг предложил он.

— А Катерина там? — глухо спросила она.

Он широко рассмеялся:

— Нет, Катерина не любит дачу. И потом — даже если бы она и была там? Разве ты перед ней виновата?

— Глупость, конечно,— сказала Нина, и волна счастья омыла сердце.

Домик был об одну комнату и веранда неотапливаемая. Комната в домике большая, с печкой посередине. Пока он растапливал печку, она принесла воду из колодца.

— Пусть разгорается, не будем сидеть здесь, пойдем в магазин.

В деревенском магазине они купили сыру, молока, бутылку «зубровки».

— В Москве «зубровка» — редкость, а здесь пожалуйста.

Он сказал, что всегда непременно приходит в деревенский магазин поддержать торговлю — они с продавщицей свои люди. Та и впрямь смотрела на него ласково, таяла, улыбалась, отшучивалась и поглядывала на Нину не без удивления.

— Это моя старинная подруга. Еще с довоенных времен. Мы с нею сегодня проведем бурную ночь.

Продавщица засмеялась.

Он вел ее назад по глубокому снегу, смеялся, подталкивал в сугробы, отгонял собак: «Ишь, кобели, разлетались!» И она удивлялась той силе духа, той нерастраченной молодости, хотя и тратил, как мог.

Печка быстро разогрелась. Она разложила еду. Вскипел самовар. Они пили за прошлое, за настоящее, за будущее. Захмелели. Он смотрел на нее влюбленными глазами — ошибки быть не могло: слишком хорошо изучила она все его взгляды. И она испугалась. Такой мучительной, выморочной, неестественной и нелепой была эта любовь, что когда настал момент ей наконец-то получить хоть малый, хоть слабый, хоть почти уже неслышный ответ, стало страшно.

— Прости меня,— сказал он и склонил ей на руку свою большую плешивую голову. Она поцеловала ее. Он поднял голову — в глазах его стояли слезы.

— Что с тобой? — Никогда в жизни она не знала, что он может плакать.

— Старость,— сказал он,— старость.

Потом гуляли по участку, он показывал засенженные места, где летом росли розы всех цветов и сортов, даже черная и голубая, не совсем черная, не совсем голубая, но почти, почти. Потом они долго ложились спать. Он стелил ей на широченном матрасе, а себе на узкой кровати: «Ты такой толстый, не уместишься».

Они лежали в темноте, разговаривали обо всем на свете. Николай рассказал, как, уйдя на пенсию, стал писать письма и дописался — назначили спецкомиссию, проверку машины, и они с Андреем победили. Его стали просить вернуться на прежнее место, но скучно вступать в ту же реку второй раз. Да и свободу почуял, к земле привязался. Но покоя не дают. Месяц назад уговорили пойти консультантом.

— Знаешь, к кому? К самому Слепову!

Тут началась новая волна воспоминаний.

— Слепов опять вдовец. Дети выросли. Он постарел, изменился, умен, как всегда. Тебя вспоминали. И знаешь, краснел при этом — рыжие вообще легко краснеют. Чего ты за него не пошла? — спросил он и поперхнулся.

Еще говорил, что мир тесен.

— Луська, когда ездила в командировку в Лондон, встречала там сестру Слепова Цецилию — она живет на пенсию в маленьком домике с садиком. Прислала мне книгу о розах, вон она, на полке, красивая.

Нина вспомнила, что Слепов когда-то говорил ей о сестре.

— Это другая, эта в Москве живет, Жозефина, большая умница. В министерстве просвещения работала, на большом посту.

— А он мне на Урале ничего про Цецилию из Лондона не говорил.

Николай смеялся:

— Скрывал Цецилию!

Разговор перепрыгнул на что-то совсем незначительное. Он вдруг вспомнил, как она ходила за ним следом в те дни, когда он ушел на пенсию.

— Ты заметил? — почти закричала она.— Ты заметил?

— Еще бы! Я хотел развернуться, подойти и сказать: «Ты что, боишься, что я руки на себя наложу здесь вот, на виду у всех?» Зачем ты бегала?

Она пыталась объяснить, но не могла, хотя, когда бегала, знала, зачем.

Он уснул внезапно, в разгаре разговора. Оглушительно захрапел и храпел весь остаток ночи. Она не могла спать под его храп и долго, счастливо плакала в подушку, как не плакала никогда в жизни — она вообще плакать не умела. Почему плакала, тоже не могла бы объяснить. Со слезами уходило напряжение всей ее жизни, и она чувствовала, что отныне легко, свободно, просто жить, нет, доживать на белом свете. Она ни о чем не жалела, вознагражденная за безответные муки любви. Лучше, о, лучше поздно, чем никогда. Боясь, что он проснется и начнется какой-то быт с умыванием, чаем, растопкой печи, спугнется, развеется ореол ночи, она выбралась из-под одеяла, дрожа — комната стремительно остывала,— оделась, нацарапала записку: «Спасибо за все, не беспокойся, дорогу знаю»,— выскользнула и два с половиной километра летела на крыльях до станции. В холодной электричке была одна в вагоне. Добравшись до дому, стала под горячий душ, и он смыл с нее усталость бессонницы, ей снова захотелось к нему, они еще о многом не поговорили, многого не вспомнили, многого не выяснили.

— Осторожно,— сказала она себе,— осторожно, тебе не восемнадцать. Ничего лучше того, что было, быть не может. И не должно быть.

Они больше не встретились на этой земле.

Нина сладко потягивается. Долго, долго думает о чем-то. Потом долго-долго роется в записных книжках. Идет в коридор. Там, дождавшись очереди — противная девчонка-соседка часами висит на телефоне, как будто она одна в квартире,— звонит одной своей знакомой. Слушает ответ на свои вопросы:

— Ну да, конечно, знаю. Еще бы! Такая прелесть, умница, настоящий педагогический талант. Жива? Думаю, что жива. Во всяком случае, месяц назад была жива. Сейчас найду, подожди секунду.

Нина терпеливо ждет пятнадцать минут, отгоняя все ту же противную девчонку, она снова рвется к телефону. И наконец-то:

— Подожди, записываю: Жозефина Артемьевна Кудряшова. Слепова по отцу? Значит, Кудряшова?

Потом она, не обращая внимания на девчонку, красную от злости, снова набирает номер, просит Инну Николаевну:

— Единственное, чем я могу помочь вам,— найти наиболее легкий путь к Слепову. Вот телефон его сестры Жозефины Артемьевны. Ах, у вас есть. Тем лучше. Вы тоже думали через сестру? Желаю успеха. Позвоните мне, если узнаете что-нибудь особенное.

Продолжение следует.

ГОРОДА МЕЧТЫ

РАЗДУМЬЯ О БУДУЩЕМ

Каким будет город через сто, через двести лет? Сумеет ли вообще выжить большой город? Или же люди со временем покинут это скопление железобетонных громад, чадящих заводов, бесконечных потоков машин? В каких домах будут жить горожане — в семидесятиэтажных?.. Этими и подобными вопросами специалисты задаются давно. Кто-то из ученых подсчитал, что 95 процентов всех прогнозов на будущее связано с градостроительством. Сегодняшний разговор — еще одна попытка представить себе образ города будущего.

Наш собеседник — доктор архитектуры, лауреат Государственной премии СССР, заведующий сектором Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики профессор Андрей Владимирович ИКОННИКОВ.

— Андрей Владимирович, люди, побывавшие в космосе и видевшие издали нашу планету, говорят, что города оттуда смотрятся как небольшие точки, но следы грязи, дыма и копоти от них тянутся далеко-далеко окрест. А вот строки опубликованного недавно в газетах сочинения школьницы из английского города Саутгемптона: «Сегодня черный душный день. Он немногим отличается от других... Моя мать однажды сказала мне, что небо было голубым. Но ведь поверишь, когда увидишь, а для меня небо черное или желтое. Я люблю его таким. Это более естественно. Моя бабушка любила цветы. Но мне больше нравится запах машинного масла. Он свежее. Машинное масло полезно. Оно приводит жизнь в движение...»

Что же будет дальше? Ведь процесс урбанизации идет, не замедляясь.

— Нам давно известно, что культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню. Развитие современного производства поставило человечество перед дилеммой — либо немедленно начать перевод промышленных предприятий на замкнутые технологические циклы, вообще не образующие ни отходов, ни выбросов, либо в погоне за экономией продолжать губить природу, отравлять человека. В каждом конкретном случае этот вопрос решается по-разному. Но тут важно отметить, что в условиях капиталистической гонки за сверхприбылями сделать это намного сложнее. Так что я не стал бы говорить о кризисе города вообще: болезненное состояние западных городов отражает, фокусирует болезнь общества в целом.

Город без одной дымовой трубы, без единой сточной канавы — таким видится город будущего, социалистического будущего. Нашим правнукам, вероятно, никогда и не доведется увидеть над городом желтое или черное небо, о котором пишет английская девочка. Только вот планета наша не такая большая, а небо одно на всех...

— Сейчас, как утверждают специалисты, основным загрязнителем городского воздуха стал автомобиль. И вообще многие проблемы города упираются в транспорт. Еще две с лишним тысячи лет назад Цезарь запретил поездки на колесницах по улицам Рима в дневное время. Уже тогда уличное движение казалось людям слишком интенсивным. Что же говорить о движении в сегодняшних крупных городах!

— Проблему «человек — автомобиль», на мой взгляд, в будущем удастся решить, лишь загнав машину под землю, а поверхность с чистым воздухом и тишиной оставить для пешеходов. Наверху будет своего рода пешеходный рай: обилие зелени, скверов, парков и — никакого визга тормозов, никакого страха, никаких вредных выхлопов. Уже сейчас подобные «безавтомобильные зоны» стали реальностью в некоторых наших городах в Прибалтике, а также в ГДР и в Венгрии. Сегодня градостроители задумываются о завтрашнем дне, проектируют и осуществляют новые застройки с учетом максимального разделения транспортного и пешеходного движения. А в городах XXI, XXII и последующих веков и вовсе, я думаю, человек и автомобиль станут существовать на разных уровнях, на разных этажах. Сначала будут строиться транспортные магистрали, сверху сделают перекрытия, а уже на них встанут жилые кварталы.

Уверен, к тому же, что в городах будущего люди значительно больше станут передвигаться своим ходом или на велосипедах. Это вернет нам и здоровый цвет лица, и душевную бодрость, и хорошее настроение. Сегодня пешеходов и велосипедистов гонит с улиц плохая погода и обилие машин. В будущем, когда машины уйдут под землю, а погодой мы научимся управлять по крайней мере в пределах городской черты (произойдет это, я думаю, не позже конца следующего века), тогда, вероятно, больше половины всех передвижений горожане будут осуществлять пешком. Тот, кто спешит, сможет воспользоваться движущимся тротуаром, скорость которого, впрочем, не сможет быть велика из-за трудности ступить на него и сойти — где-то пять-шесть километров в час. Не исключено, что со временем появятся системы параллельных, не очень длинных (до 200—400 метров) пешеходных конвейеров с постепенным возрастанием скоростей от края к центру.

Но надо учесть и то обстоятельство, что в будущем количество необходимых передвижений людей в пределах города значительно уменьшится. Прежде всего за счет того, что большинство работающих (возможно, до девяноста процентов) будут трудиться дома — ведь уже очень скоро трудовая деятельность в основном будет связана с обработкой информации. За ней не нужно станет ездить в библиотеку — любые сведения в считанные минуты мы сможем, сидя дома, получить на экране дисплея. Тогда для нас не будет принципиальной разницы, как далеко от библиотеки мы находимся — в двух шагах от нее или за тысячу километров. Уже сейчас для некоторых профессий — лингвистов, программистов и тому подобное — наметился процесс слияния мест жилья и работы. В будущем он явно усилится. Мы снова вернемся к тому, с чего начинало человечество,— люди в древности работали там, где жили.

Необычайные возможности сулит и развитие голографии — создания и передачи на расстояние объемных изображений. По мере совершенствования голография позволит человеку, находящемуся за многие сотни километров от музея, познакомиться с его экспонатами так же наглядно, как если бы он в самом деле прошелся по музейным залам. Голография поможет безгранично увеличить число театральных зрителей, которые смогут испытать эффект присутствия в одном и том же театральном зале, хотя и будут находиться, возможно, в разных частях города.

Кроме того, количество поездок уменьшится, так как отпадет надобность каждый день ходить в магазин: предметы первой необходимости будут распространяться централизованно, как сегодня газеты. Продукты питания, бумага, книги, парфюмерия, галантерея — словом, то, что не требует выбора, нам станут доставлять к двери квартиры или в специальные абонентские ящики с помощью, например, автоматических электрокаров, двигающихся опять же под землей.

— В печати одно время публиковалось немало статей о всевозможных проектах будущих поселений.

— Ими особенно увлекались лет двадцать назад. Во многих проектах город будущего был совсем не похож на наши сегодняшние города. Воображению градостроителей рисовались гигантские «мегалополисы» с домами-башнями высотою в полтора километра, а то и выше, которые где-то в заоблачных высотах соединялись между собой воздушными галереями. У подножия этих гигантов должны были ютиться нынешние наши постройки — такие устаревшие, отживающие свой век, как нам казалось. Уверенность в том, что близится эпоха гигантизма, подогревала общая картина резкого, экспоненциального роста материального производства. Гигантские домны, гигантские радиотелескопы, мосты, телебашни, ускорители элементарных частиц, циклопических размеров гидроэлектростанции — все это и многое другое подсказывало, что и жилище человека, выросшее ввысь за последние полвека в десятки раз, должно и в будущем сохранить тенденцию к росту.

Идеи гигантизма нашли особенно яркое воплощение в проектах западных футурологов. Вот, например, Город-мост французского архитектора Ионы Фридмана, выросший над Парижем и накрывший его, подобно куполу, сплошной громадой своих кварталов; он шагает, опираясь на огромные опоры, через Ла-Манш в Англию и через Средиземное море в Африку. Эдакий железобетонный великан, не знающий границ и распластавшийся между двух материков.

Но увлечение это было недолгим: очень скоро градостроители поняли, что ни одному из этих проектов не суждено осуществиться.

Так что прогнозирование необходимо, но не в категорической форме, а в виде набора нескольких возможных вариантов, из которых в свое время будут выбраны наиболее желательные, наиболее подходящие для данного этапа развития цивилизации.

— Один иностранный ученый подсчитал, что к 13 июля 2116 года в мире не останется места, где мог бы встать очередной новый житель Земли. Значит, либо со временем вся суша станет сплошным городом, либо все-таки мы должны строить дома до неба?

— По логике некоторых специалистов, так и получалось. Однако они не учитывали, что закономерности роста человечества определяются не только математическими расчетами.

Сегодня демографы отмечают, что начали срабатывать тормоза в социальных механизмах, и о глобальной угрозе перенаселения говорить не приходится. Кроме того, повышение производительности труда, автоматизация, роботизация многих производств значительно ослабят главную в прошлом (да и в настоящем) силу, которая вызвала столь непомерную концентрацию населения в городах.

По мнению большинства советских градостроителей, тот период развития городов, в котором главным фактором был рост концентрации населения, заканчивается. Сейчас наметилась тенденция к равномерному рассредоточению поселений. Крупные и сверхкрупные города через какое-то время перестанут расти и вширь и ввысь. Отождествление прогресса и циклопической архитектуры, по-моему, анахронизм. Башня высотой в тысячу этажей, быть может, так же нелепа, как самый большой в мире транзисторный радиоприемник. Да и расчеты показывают, что здания выше шестидесяти этажей экономически нецелесообразны, а регулярные рейсы на скоростных лифтах выше двухсотметровой отметки скверно влияют на здоровье людей.

— Хочется верить, что в будущем горожане сумеют избегать нервных перегрузок, которым подвержены жители сегодняшних крупных городов.

— Вероятно, городская жизнь станет менее напряженной: не будет очередей, не будет заторов и толчеи, но вряд ли вообще люди станут меньше нервничать: не надо забывать об эмоциональном напряжении от перегрузки информацией. Трудности с ее получением, обработкой и хранением поможет решить техника, но скорость усвоения ее человеком долгое время останется примерно той же.

В будущем многие противоречия, присущие современному крупному городу, удастся преодолеть. Четкая организация общественного транспорта, движущегося на различных уровнях, с различной скоростью, отработанная система пересадок дадут возможность быстро и с удобствами преодолеть любое расстояние. Благодаря этому отдельные поселения будут существовать не как изолированные единицы, но как связанные между собой группы, созвездия. В этих созвездиях отпадет традиционное деление населенных мест на городские и сельские.

— Город будущего непременно должен быть уютным и удобным для человека, и это удобство обеспечит фантастическая по сложности техника: компьютеры, трубопроводы, водоводы, транспортеры, лифты и прочая машинерия, которая потребует немалых пространств, хотя все механизмы со временем станут намного компактнее. Не будет ли вся эта техническая армада довлеть над человеком?

— Думаю, что ее мы сумеем скрыть от людских глаз под землей. Там будет существовать как бы второй город, где, помимо транспорта, развернутся и складское хозяйство, и коммуникации, и многие виды производства, в том числе и индустрия переработки отходов, которая освободит город от свалок, поглощающих сейчас немалые территории (а землю, кстати сказать, надо беречь — она невозобновима!).

Со временем мир техники и мир людей, существующие сегодня, к сожалению, бок о бок, будут все больше разделяться, и если первый имеет тенденцию становиться все более сложным, то второй будет более простым, точнее — более естественным, отвечающим сути человека, его стремлению к красоте и гармонии, к общению с себе подобными.

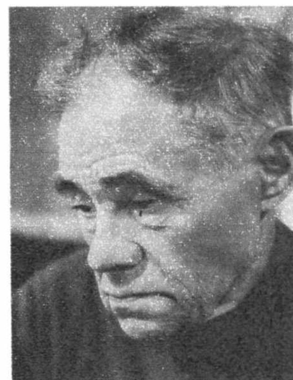
Именно эта функция — удовлетворение потребности в культурном общении и обмене информацией — и станет главной для города будущего. Вот для чего нужен будет город. Вот почему не умрет город как таковой, несмотря на все предсказания иных футурологов, которые стараются доказать, что урбанистические поселения обречены на смерть после того, как они выполнят свое основное предназначение — обеспечить концентрацию рабочей силы для производства. Значительную часть всей механической и даже умственной работы за людей будут выполнять роботы и электронно-вычислительные машины. У нас появится масса свободного времени, тем более что проблемы быта тоже во многом будут решены (главным образом за счет высокоразвитой общественной сферы услуг). И люди наверняка станут чаще встречаться, ходить в клубы, дома культуры, которые превратятся в настоящие центры общения. Вы посмотрите, какое явное оживление в последние годы наметилось в жизни так называемых клубов по интересам. Библиофилы, болельщики, шахматисты, собаководы, филателисты и любители бега трусцой, приверженцы нетрадиционных методов лечения... Клубы эти рождаются, как грибы, и несть им числа. Людям хочется делиться впечатлениями, знаниями, рассказать друг другу о новых книгах, о своих мыслях по поводу этих книг, о своих поездках и встречах. Да мало ли о чем один человек может поведать другим — в мире столько всего интересного! И ни кино, ни телевидение никогда не смогут заменить нам «роскоши человеческого общения». Потребность в нем, я уверен, с каждым днем будет расти, впрочем, как и наши культурные запросы. Вот почему центры общения, центры культурной жизни когда-нибудь станут главными зданиями (или, может быть, комплексами зданий) в городе.

Архитектура — всего лишь оболочка, материальная оболочка сложной системы человеческой жизни. И проблемы «второй природы», которую создает вокруг себя человек, преобразуя естественную природу, по сути,— проблемы человеческие. Архитектура, город должны служить человеку, и в городе будущего не что-нибудь, а именно человек должен стать «мерой всех вещей», как говорили древние еще тысячу лет назад.

Беседу вел Сергей ВЛАСОВ.

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ

Т. С. Мальцев.

Начало см. на стр. 1

Выйдешь на рассвете ли, в другое время дня за околицу — глаз не оторвешь от этой земной красоты. Весной поля без конца и края стелются молодой изумрудной зеленью всходов, летом они уже становятся волнующимся морем, таким, что не по силам изобразить на полотне, пожалуй, любому художнику. А осенью поля предстают уже совершенно иными. Отяжелевшие спелым колосом, они как бы сами набегают на тружеников колхозных полей и шепчут: «Это вам, люди, за ваш труд, возьмите. Это от солнца, от земли родной».

Крестьянин я, колхозник, как и все труженики земли, считаю, что хлеб — самый важный продукт человеческого труда, и такой вид энергии, без которого ни одна шестеренка у станка не завертится да и самолеты не полетят. Мы часто слышим, что хлеб—всему голова. Чем больше будет хлеба, тем больше можно прокормить и голов скота. А чем скот будет сытее, тем больше и продуктов животноводства. Понятно, что чем больше мы вырастим хлеба, тем богаче и могущественнее станет наша Родина, тем обильнее станет у советского человека стол, да и промышленность больше получит сырья. Поэтому-то выращивать хлеб я считаю самым главным делом своей жизни и этой единственной непреходящей страсти посвятил все свои сознательные годы.

А все-таки как жаль, что так мало человеку отпущено. Только он накопит опыт, осмыслит кое-что, в силу войдет, а его уж старость подстерегает, уходить торопит. Вот и... ждешь, когда обратно начнут годы отсчитываться и снова до молодости дойдут. Но дойдут ли? Ну, а пока, видимо, надо спешить обобщать сделанное, обдуманное, передавать людям нажитое.

Один журналист спросил меня как-то: если бы случилось чудо и вы смогли бы начать жизнь сначала, как бы вы прожили ее? Я, не задумываясь, ответил: хотел бы прожить ее так же. Только с одним условием — пусть при мне будет тот опыт, те знания, которые есть сейчас. С ними я пошел бы куда увереннее, увереннее и в своей правоте и в справедливости своих суждений. Кто убежден в том, что он доказывает в открытом споре, тот живет более честно и в науке видит цель своей духовной жизни. А люди, которые, гоняясь за чинами и званиями, видят в науке только материальную обеспеченность, теряют облик настоящего ученого, теряют совесть человеческую, которая ох как нужна в науке!

Много мы говорим сегодня о нашей молодежи, о будущем Страны Советов! Много у нас молодежи грамотной, умеющей дерзать, умеющей и землю любить за то, что она кормит нас. Молодые люди стремятся к свету, к истине, хотят все познать сами. В таких я с радостью узнаю и себя молодым. Конечно, можно ошибаться и в своих убеждениях и в правоте своих действий. Но ведь важно вовремя осознать ошибку. Своевременно ее исправить. И работать честно. Думать надо не только о себе, а обо всех людях, о близких и неблизких, о заботах всех людей, сородичей своих. Думать о делах Родины, понимать и принимать ее заботы, как свои собственные. Быть трудолюбивым, честным, только так можно приблизить то счастливое время, которое мы зовем коммунизмом.

Вот почему такими своевременными показались мне слова Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова, произнесенные на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября:

«Ныне экономия, рачительное отношение к народному добру — это вопрос реальности наших планов... У нас есть немало примеров творческой работы, подлинно хозяйского отношения к народному добру. Но этот опыт, к сожалению, не находит должного распространения».

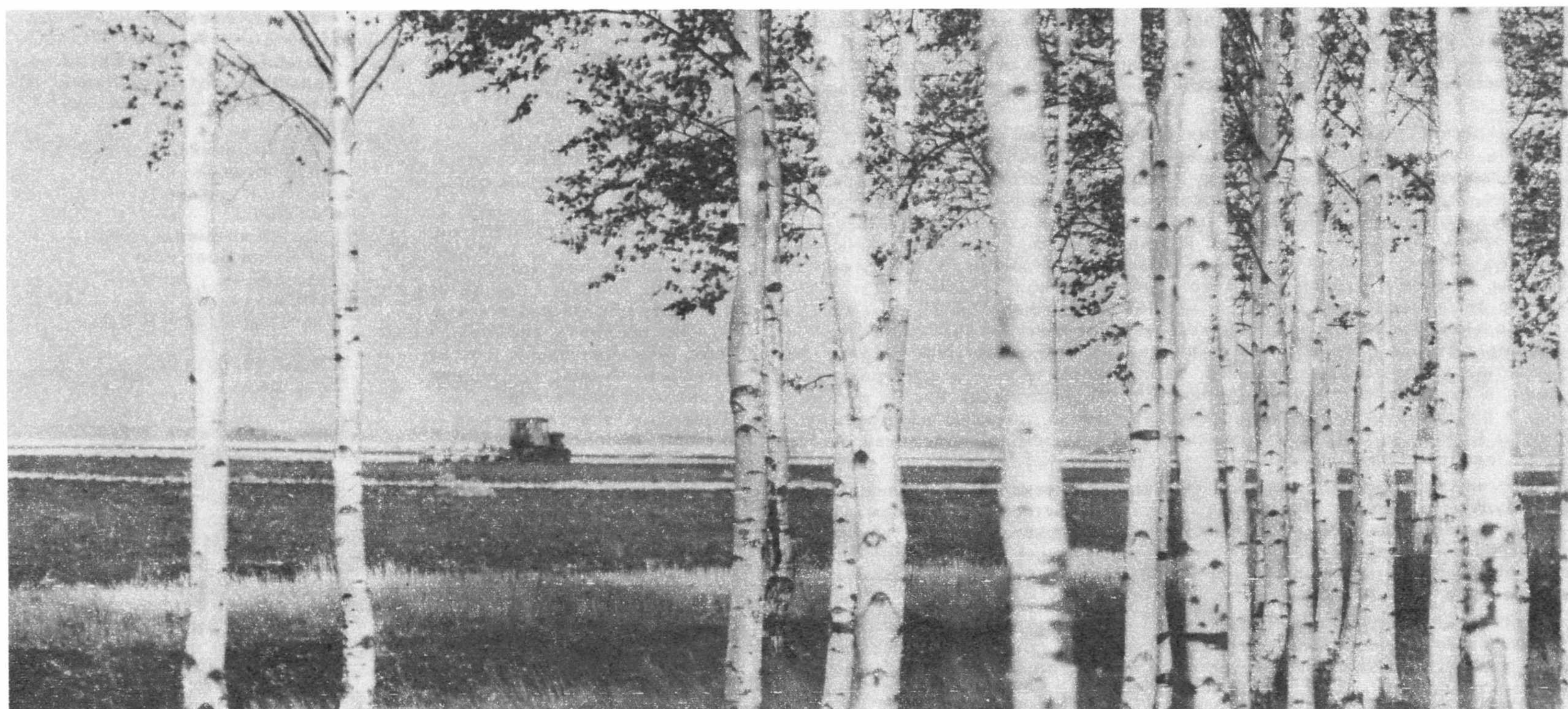
По душе пришлись мне и слова о том, что «надо расширять самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов». Вопрос этот действительно наболевший.

Земля — сила колхозника. Ну, куда же колхозник без земли да еще без права быть на ней хозяином. Да и сила-то земли самой зависит во многом от ее хозяина: радивый хозяин, смекалистый — и землица дает ему сполна свой урожай. Вот так и переплелись судьбы людские и судьба матушки-земли.

Конечно, все мы прежде всего советские люди и озабочены общими заботами нашей общей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, но все-таки живет каждый из нас на своей малой родине. Украинец думает об Украине, грузин — о Грузии, я больше думаю о России, думаю сейчас в первую очередь о своем родном Зауралье, о моей курганской шадринской земле — частице необъятной России. А мне есть что вспомнить, есть и с чем сравнить...

Родную мать я не помню, после ее смерти мне не было и трех лет. Жили в большой нужде: одна лошадь, два надела земли. По три с половиной десятины на мужскую душу. Доброй землицы третья часть, остальная — средняя и совсем утлая. Помню, двадцать лет как не было передела земли. У которых семей и одного надела нет. Помню, соберутся на общий сход, наши мужики спорят, кричат, а договориться никак не могут. На передел надо согласие всех. А у кого много земли, разве ему не жаль с ней расставаться? Только самые совестливые промеж себя решают поделиться с безземельными. И ладно еще у кого сыновья рождаются, а как девки одни, которым земли вообще не положено?! Так вот и жили: горели, голодали, нужду терпели во всем. Терпели и мечтали о лучшей доле.

Фото М. Савина

Помню слова «японская война». Как приходили к нам в дом солдатки и просили меня, уже разумевшего грамоту, написать заветные письма. «Пропиши, Тереша, пропиши, родной,— говорили они,— что с хлебом живем ноне, корова телка принесла. Что лошадь охромела, не прописывай, сынок,— горю это не поможет, а думой тяжкой измается солдатик...» Читать, писать я научился самоучкой в самом раннем детстве. Во время той войны мне не было и десяти лет.

Восьми лет посадили меня, как и других крестьянских мальчиков, впервые, как у нас говорили, на «вершину», то есть верхом на лошадь. Сидеть верхом — любимое занятие крестьянских детишек. Усаживали-то нас не просто, а поле боронить. Боронили тогда деревянными боронами с прямыми железными зубьями, а пахали сабанами. Сеяли рукой из лукошка. Сабан — деревянный плуг. Я сам им пахал. И деды наши и прадеды им пахали. Пахать начинали в 14—15 лет. Как и другие крестьянские дети, и я стал в этом возрасте за сабан.

С той давней младенческой поры стою я, зачарованный красотой хорошо обработанной земли.

Что и говорить, детство мое было нелегким, любовь к земле воспитал во мне труд, к которому я привык с самого раннего детства. Характер, натуру мою формировало отношение всего нашего общества к работе, к каждодневному делу земледельца. К сожалению, иные сегодняшние родители не приучают детей к труду, даже наоборот — отучают от труда, возлагая на себя излишние заботы, которые могли бы выполнить сами дети.

Максим Горький писал о том, что нужно любить то, что делаешь, и тогда труд — даже самый грубый — возвышается до творчества. А как не любить труд земледельческий?! Я часто привожу слова замечательного русского агронома и публициста XIX века Александра Николаевича Энгельгардта, учившего в своих «Письмах из деревни»: «Нужно любить землю, любить хозяйство, любить эту черную, тяжелую работу. То не пахарь, что хорошо пашет, а вот то пахарь, который любуется на свою пашню».

Был у нас колхозник — Мальцев Пимен Иванович, которого я ни день, ни ночь не могу забыть — Пимен Иванович был таким, что не только сам хорошо работал, но в его присутствии никто не хотел плохо работать. Сам образцово трудился и других увлекал. Погиб под Сталинградом. Ох, как нужны нам такие Пимены Ивановичи! Люди эти — маяки, которые светят всем нам, напоминая о том, как прекрасна в труде и в заботах жизнь на земле.

Часто я думаю о первых годах колхозной жизни, о людях того времени. Невольно вспоминаются их простота, безотказное трудолюбие. С каким подъемом работали! Времени не замечали, на часы не смотрели, только на солнце. По нему сверяли свои труды. Конечно, многое изменилось с той поры. Часы-то теперь у каждого на руке: смотрим мы на них излишне часто, думая о конце рабочего дня. Теперь ведь и пашет, и сеет, и убирает хлеб техника. Изменились и люди. Стали они грамотными. Но ведь этого мало. Нужна не одна грамота, а нужна прилежность к земле, прилежность к труду.

Грамотных людей у нас много, но одной грамоты недостаточно. Надо еще знать, уметь и желать достигать поставленной цели. Знающих людей нынче много. Для примера скажу, что в тысяча девятьсот тринадцатом году на все Зауралье приходился один-единственный агроном. Помню, в двадцать четвертом году я присутствовал в Шадринске на уездном совещании по сельскому хозяйству, и когда объявили, что среди участников есть агроном-женщина с высшим образованием, так я смотрел на нее, как на чудо. Все мы были кто с начальной грамотой, а кто и вовсе расписываться не умел, а тут вдруг человек с высшим образованием! Сейчас в колхозах и совхозах только нашей области тысячи дипломированных специалистов. Так что было бы желание, а получить образование в нашей стране под силу каждому.

Но знать, повторяю,— это еще только начало. Надо уметь. Умение не приходит само собой. Оно достигается практикой — надо желать. Желать осуществить свою мечту, ставшую целью всей жизни. Потому так важно найти в жизни свое место. И понятно,— надо действовать, знание и умение претворять в жизнь.

Конечно, советы давать легко, но, положа руку на сердце, скажу, что и сам всегда слушал мудрых, знающих людей. И они помогли мне во многом.

Как красива наша Россия! Россия Советская! Как радостно видеть, ощущать прелесть ее земных ароматов, чувствовать ее бескрайность! Когда я возвращаюсь с поля, иду улицей родного села Мальцева, встречаю близких мне людей, односельчан и однофамильцев (у нас их много), я вспоминаю, кем были их деды, какими стали дети, и фантазирую, кем будут дети детей их. И мне делается, с одной стороны, радостно оттого, что так хорошо и красиво мы живем, а с другой стороны, немного грустно оттого, что мы неблагодарны к этой красоте земли нашей, не бережем мы ее так, как надо бы беречь. Да и не только беречь, ведь мы можем ее обогащать, чтобы было что передать потомкам нашим. Кому же, как не нам, советским людям, украшать и обогащать нашу землю, землю, завоеванную в огне революции, в схватках с врагами, землю, которая носит всех нас, и русских, и латышей, и белорусов, и абхазцев, землю, которую мы зовем Союзом Советских Социалистических Республик, землю, породнившую нас в единой братской семье!

Кого ни спроси сегодня, любой скажет, что главная задача ближайшего будущего состоит в выполнении Продовольственной программы, в дальнейшем подъеме материального и культурного уровня жизни народа. Наши резервы — наука, техника, достижения цивилизации. Но главный наш резерв — человек. Его возможности, его устремления, его желание жить лучше, красивее.

У всех у нас одна Родина, одна земля — созвездие братских республик. И все мы, советские люди, должны быть прежде всего сеятелями прекрасного, доброго, вечного во имя светлой жизни на этой щедрой земле.

СТИХИ

Ольга
ФОКИНА

* * *

Ну что ж, что осенью дохнуло!
Я перед осенью смела:
Меня судьба не обманула
И стороной не обошла.
Моя весна была с цветами,
Большое лето — со страдой,
Должна быть осень со снопами
И зимка — с теплою трубой.
Поглажу волосы сыночку,
Дочурке косы расчешу.
Мои родные колосочки,
Пока вы есть — не загрущу.
Вам подрастать и наливаться
И зорьки ясные встречать,
А мне смотреть и любоваться.
И осени не замечать.

Вологда.

Расул
ГАМЗАТОВ

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ,
МОЙ МАЛЕНЬКИЙ НАРОД

Умеешь ты печаль сурово
Встречать без слез, без суеты.
И без веселья показного
Умеешь радоваться ты.
И не твои ль напевы схожи
С полетом медленным орла,
А пляски —
с всадником,
чья лошадь
Летит, забыв про удила?
Характер гордый твой не стерся,
И в речи образность живет.
О, как люблю я сердцем горца
Тебя, мой маленький народ!
В теснине горной, где повита
Туманом кряжистая цепь,
Душа твоя всегда открыта
И широка всегда, как степь.
Живешь, с соседями не ссорясь,
Ты, сняв свой дедовский кинжал,
И я уже не темный горец,
И ты иным сегодня стал.
У ног твоих гремят составы,
С плеча взлетает самолет.
Люблю как сын большой
державы
Тебя, мой маленький народ!

Перевел с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Владимир
ГОРДЕЙЧЕВ

РОДНАЯ РЕЧЬ

Из вечной бронзы выкован
извечный русский выговор,
чеканное, глубокое
то аканье, то оканье.
Слова в иной пословице
поются, а не молвятся,
слова звенят звоночками:
то — ечками, то — очками.
Вот палочка. И палица:
ударит — слон повалится.
Вот скрипка. Или скрипица:
играет — слезы сыплются.
А утка — это утица:
в куге озерной крутится.
А рыба — белорыбица:
плавник колючий дыбится.
А речек звоны светлые!
Люблю за ними следовать:
то сетовать над Сетунью,
то с Беседью беседовать.
Певучими — над елками —
соловьими прищелками,
родная речь, вызванивай
из каждого названия!
Тобой, как речкой Речицей,
любая речь излечится.
Твои слова, пророчица,
журчат — и слушать хочется.

Воронеж.

Владимир
КУЛАГИН

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Где ты погиб?
Не знаю места.
И в этом
Не моя вина.
Ведь столько тысяч
Неизвестных
Могил
Оставила война.
Друг дорогой,
Родной и милый
Далеких
Тех уже времен...
Стою над братскою
Могилой, —
Быть может,
Здесь ты
Погребен.

Новгород.

Лев
СОРОКИН

ПЕСНЯ

Г. Ахунову

Мелодична татарская песня,
Мне не нужен совсем перевод.
Я-то знаю, о чем мой ровесник

ПОЭТОВ РОССИИ

Вновь в автобусе тряском поет.
О лихом скакуне на просторе,
И о всаднике, скачущем вдаль.
И о каменной бабе на взгорье,
Затаившей в глазницах печаль.
О разлуке томительно-долгой,
О любимой, которая ждет,
О степях, породнившихся
с Волгой,.
Мой товарищ негромко поет.
В окна ветер влетает.
И с места
На мгновенье я даже привстал:
Показалось, что вместо оркестра
Лес на листьях своих заиграл.
И о берег волна заплескала,
И грома громыхнули вдали,
И отчетливо слышно мне стало
Светлый голос
Татарской земли.
Подпевает земле мой ровесник
Так, как будто бы в песню зовет.
И понятна татарская песня,
И не нужен совсем перевод.

Свердловск.

Владимир ЖУКОВ

СОЛДАТСКОЕ ПОЛЕ

И. В. Суворову

Татарник. Полынь. Повилика.
Жара. Стрекотанье цикад...
И трепетный кустик гвоздики
куда-то бредет наугад.
Кого ты здесь ищешь, к кому ты,
плутая по полю, спешишь?
Споткнешься о ржавые путы
и сам в этом пекле сгоришь...
— Споткнусь,
так не много печали
и в том, коль не встану весной...
Здесь хлопцев вчера запахали
в ковыльной воронке одной.
Стоял в ней расчет минометный,
когда наступали полки.
Погибли и хлопцы и ротный,
лет тридцать ржавели лотки.
Солдатские косточки тлели,
потом изошли ковылем,
и лемехом их не задели...
А мы-то и нынче живем.

Иваново.

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

КОГДА ПТИЦЫ УМЧАЛИСЬ НА ЮГ

Воробьиной не слыхать возни.
А уж то-то летом были прытки!
Вон сидят на веточке они,
Как сушеные грибы на нитке.
Думают о чем-то воробьи.
Ишь, как стайка вся угомонилась!
Ты, мороз, пичуг не загуби,
Ветер, не секи их, сделай
милость.
Упаси ты, солнце, воробьев,
Стаи туч лучами пробивая,
Ты согрей, согрей их— за любовь
И за верность их родному краю!

Ижевск.

АЙТАЛЫН

КСЮША

У подножья Оймяконского хребта,
над бурливою весенней
Индигиркой
что за парень,
Ксюша, девушка-мечта,
о любви
тебе поведает великой?
Ночью
солнечной и тихой
у ручья,
в час, когда
подснежник выйдет на свиданье,
что за парня,
Ксюша, пуночка моя,
осчастливишь ты,
ответив на признанье?
Словно небо Индигирки,
чистый взгляд,
не походка —
тихий морок для влюбленных...
Ксюша, Ксюша,
погляди-ка на ребят:
счастье ждет тебя,
мой быстрый олененок!..

Перевел с якутского
Ив. ИСАЕВ.

Леонид РЕШЕТНИКОВ

МОИМ ДЕТЯМ

Вот и выросли, стали взрослыми —
Выше батькиной головы.
Сели в лодку, взмахнули веслами,
Хоть к тому не готовы вы.
Что вам слово отцово, дедово,
Та наука — лишь в очи дым!
Не победы добыть, а бедовать
Рветесь с ветром — пускай худым.
Все вам просто, легко и весело,
В гиблом месте вам мнится брод.
Вот головушку и повесил я:
Что вам встретится? Что вас ждет?
Молча плачу, когда вы скачете,
В правоте своей неправы,
И рыдаю, когда вы плачете...
Но как редко плачете вы!

Новосибирск.

Алексей МИШИН

* * *

Все в мире этом —
Все от матерей:
Ребенка плач
И песни наших дней.
К звезде полет
В заоблачный простор
Нам указал ее открытый взор,
На гребнях волн
Нам издали видна
Не матери ли нашей седина?
Не доброту ли
Материнских слов
Мы чувствуем в пылании цветов?
Все от забот,
От дел разумных все,
От сердца честного,
От добрых рук ее.

Смоленск.

Яков УХСАЙ

ВОЛГА

(Отрывок из поэмы)

По берегам ее зеленым
Немало я прошел дорог,
Писал стихи,
В нее влюбленный,
Когда я не писать не мог.
Мне по душе ее тревога,
Игра,
Веселье,
Злость волны,
И ночью — лунная дорога
И волн кудрявых табуны.
В мороз январский
Скрылось солнце,
Но Волге
Неба даль видна —
Словно в туманное оконце,
Сквозь полынью глядит она.
Дождь или солнце над рекою,
А я стою на берегу
Во всякий час,
Любой порою,
Уйти отсюда не могу.
Где бы я ни был,
Дали эти
В моих стихах,
В душе моей.
Рек много,
Но она на свете
И всех красивей и родней.
Одна волна с другой не схожа,
Не повторяется волна.
Хотел бы так творить я тоже:
Чтоб в каждой строчке —
Новизна.
Как ручеек,
Что слился с Волгой
В лесах Чувашии родной,
Пусть голос мой звучит
И долго
Не умолкает над землей.

Перевел с чувашского
П. ГРАДОВ.

Александр АВДОНИН

* * *

Думал я:
Безнадежно потеряна связь,
Но недавно, случайно —
Скажу не тая —
Ты опять в моей памяти
Отозвалась:
«Пятый, пятый! Я — третий!
Не спишь? Это я!»
Я, как прежде, услышал
Бесхитростный код,
Навсегда мне запомнился
Твой позывной:
На одном конце провода —
Нынешний год,
На другом конце провода —
Сорок второй.
Зуммерит телефон, заглушая
слова.
Я никак не пойму —
Наяву иль во сне:
«Пятый, пятый! Я — третий!»
Ты, значит, жива,
Значит, ты не осталась
Тогда на войне?!
В блиндаже, на НП командира
полка,
Где-то там, за деревней,
в спаленном саду?
Словно ты говоришь мне,
Волнуясь слегка:
«Вот закончится смена —
Я, слышишь, приду»,
Словно не было
Вражеских танков в ночи,
Тех внезапных атак.
Но навек с той поры
Ты молчишь, ты ни слова в ответ,
Хоть кричи.
Может, это на линии где-то порыв!
Я на линию выйду. Я брошусь
вперед,
Я свяжу провода —
Будь все время со мной...
На одном конце провода —
Нынешний год,
На другом конце провода —
Сорок второй.

Калуга.

Кайсын КУЛИЕВ

* * *

Сжимаю в пальцах влажный ком
земли,
Вдыхаю запах сладкий и знакомый.
Как часто, люди, умирать мы шли
За эти хлебом дышащие комья!

Земля переживает всех живых
И, пахнущая потом и дождями,
Покоит повелителей своих,
По-царски шествовавших
за плугами.
Земля берет и тех, кто волей
злой
Ее сжигал, пытал огнем и громом,
Земля, покрывшись пеплом
и золой,
Все ж остается прежним
черноземом.

И кто ни угрожал бы мне войной,
Что б люди ни придумали —
я знаю:
Нет в мире сил сильней земли
родной,
Кусок которой я в руке сжимаю.

Перевел с балкарского
Н. ГРЕБНЕВ.

ДУША НЕУЕМНАЯ

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**

Фото А. ГОСТЕВА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Любимый герой Соловьева — матрос Швандя. Отважный, находчивый, беззаветно, до последней своей кровиночки преданный революции.

— Мы же с ним земляки, оба курские. Он из Митревки, я из Погореловки, есть такое село возле Корочи. Раньше числилось в Курской губернии, а потом отошло к Белгородской области, как раз посередке между Старым и Новым Осколом.

Я всматриваюсь в его лицо — открытое лицо русского крестьянина с крупными чертами, светлыми глазами. Он и впрямь похож на Швандю — Ливанова. В расстегнутом воротнике полосатится тельняшка. Не хватает только бескозырки над непокорной прядью, нависшей над лбом. И ростом удался — так же высок и так же спокойно уверен в себе. Однако только ли во внешнем сходстве дело? Исполнители роли Шванди разных лет утверждали, что Шванди живы и будут жить. Они выучатся, овладеют культурой, станут передовиками производства, директорами, учеными... Родство тут прямое, глубинное, уходит в далекие годы... Вот как и у Николая Александровича Соловьева.

ИСТОКИ. Мы не знаем, какое детство было у треневского матроса, в пьесе об этом не сказано. Но у Николая Александровича, можно считать, его не было вовсе,— шла война, и он с родными оказался в оккупации. А потом сразу началась юность.

— Я очень благодарен Владимиру Федоровичу Чухненко. Много раз пытался найти его. Может быть, с помощью «Огонька» обнаружится? И я тогда смогу низко, до земли поклониться этому человеку. Ему я обязан своей профессией, считаю, самой прекрасной профессией на земле — строителя. Чухненко был директором школы ФЗО номер сорок пять в Мытищах и приехал к нам в Корочи собирать ребят. Мы с Костей, моим соседом, решили: поедем. Мать сшила мне бурки, стеганные на вате,— стояла уже осень, как вот сейчас,— и мы тронулись в Москву...

У каждого человека, признательного людям за оказанные ему знаки внимания и почести, к пятидесяти годам накапливается немало дорогих для него бумаг. Вот и у Соловьева есть такая пухлая папка с тесемочками. Да и не одна. Развязал, что-то ищет. Наконец находит сильно пожелтевший, развалившийся на изгибах тоненький листок с обыкновенными черными буквами, бережно расправляет его лоскутки.

— Это же самое дорогое, первая в жизни грамота, называется похвальной.

Она гласит, читаю я, о том, что воспитанник школы ФЗО № 45 имеет по всем предметам только пятерки и является отличником трудовых резервов. Ему сразу присвоен пятый разряд столяра. Значит, стремился наверстать украденную войной радость учения. Потом ему доведется учиться еще несколько раз, и он все время будет ненасытным в постижении знаний. А еще позже на всю жизнь его учителями станут книги. Вот какая теперь у него библиотека, сколько томов на полках стенки, которую он смастерил своими руками!

САХАЛИН. Он не засиживался на одном месте, не обрастал бытом, изъездил немало городов. А все оттого, что влекло его неизведанное, хотелось узнать: а что за земля **там** и какая **там** будет работа? И каждый раз открывал в себе что-то новое, как тот гранильщик: отполирует еще одну плоскость, и кристалл засверкает ярче. Так и он отшлифовывал свое зреющее с каждым годом мастерство.

На стене цветная фотография: бравый кавалерист при полной амуниции, с саблей на боку.

— Отец всю Отечественную в конной разведке был — что на западе, что на востоке, от Чехословакии до Хингана. А как началось освоение Южного Сахалина, подписал договор. Он любил Дальний Восток, и раньше, до войны, мы там жили несколько лет. Поехали всей семьей. Родители были очень дружны — куда отец, туда и мать...

И старший сын, Николай, последовал за отцом сразу по окончании школы ФЗО. Тот — на шахту отвальщиком, и он — на шахту, только плотником. Недолго был Николай в начинающих. Как-то сломалась лебедка, и вся работа приостановилась. Выручил Николай: быстренько соорудил и приспособил колесо. Начальник заметил: соображает,— и придал ему в помощники несколько человек, действуй, мол. А на шахте было весело, понаехали молодые ребята. Николай подружился с Васей Беланом, бойким, никогда не унывающим проходчиком. Парня избрали комсомольским вожаком.

Но тут моего героя призвали на действительную. Служил на острове, на морской границе, и с тех самых пор стала любимой для него непроницаемая в штормовые ветры, прохладная в жару полосатая матросская тельняшка.

Шахта № 8—9 просуществовала недолго: она была старая. Вернувшись, Николай уже не застал Васю Белана: уехал друг на материк, на Урал. Через несколько лет отправятся туда и все Соловьевы. Но прежде Николай совершит для себя третье за сахалинский период жизни открытие — после работы на шахте и службы в армии,— открытие геологии.

Соловьев-отец, Александр Макарович, когда шахту закрыли, перешел монтажником в Невельскую геологоразведочную партию и Николая с собой увел. Строители всегда нужны геологам. Их жизнь увлекла Николая. Они приходят первыми, каждый раз что-то новое. Словом, самая настоящая романтика. К тому же такая экзотическая природа: лагуны, горы, поросшие бамбуком и гигантским папоротником, Японское море и птичьи базары... Но сам он теперь, оглядываясь назад, считает тот период своей жизни пробой сил.

УРАЛ. Следующая точка на карте его биографии — Буланаш, совсем маленький шахтерский поселок, в котором прочно обосновался закадычный друг Вася Белан. Он и зазвал сюда, в Свердловскую область, семейство Соловьевых. Николая назначили бригадиром, послали учиться на курсы в Карпинск. Он снова, как ученик, засел за учебники, особенно за геометрию, с которой у него не ладилось еще в школе, но зато как — спасибо ей! — помогала она потом разбираться в чертежах, как научила читать их с ходу! В Буланаше он строил все, что надо для шахт и шахтеров: копры, жилые дома, магазины. А потом снова перетянула его геология с ее нелегким житьем-бытьем, бездорожьем и кочевьем с палатками и рюкзаком по глухомани. Тут у него была не только бригада — целый участок. Не все выдерживали тяготы разведочной партии, уходили, а он оставался. Строил и ставил буровые вышки, придумывал их новые конструкции, завоевал даже первую премию на конкурсе, объявленном в Зауральской экспедиции. Годами позже он еще раз, и последний, вернется к геологоразведчикам, но произойдет это словно бы для раздумий и передышки после подъема на крутой перевал, который он преодолел с честью, с чистой совестью коммуниста.

АЙХАЛ. «Я не могу сказать, что моя палатка была первой среди тех, в которых жили мы, строители Айхала. Я прилетел в Якутию в 1962 году, сначала в Мирный, потом сюда. Этот же год указывается и во всех справочниках как начало возникновения поселка. Ему, значит, исполняется сейчас ровно двадцать лет,— Николай Александрович откашливается, голос у него простуженный, с хрипотцой, продутый всеми ветрами. Помолчал.— Поселок нужно было построить в связи с открытием здесь алмазной трубки «Айхал». Жили мы сначала так: палатка на десять человек, и посредине печка из сваренных бензиновых бочек. Топили ее круглосуточно, по очереди. Мы, не знакомые друг с другом, жили как братья. Никто ничего не припрятывал, деньги, продукты — все лежало открытым, на виду. Я мог взять у товарища, если не хватало, но обязательно сообщал ему об этом. Воду получали из льда. Ни газет, ни почты не было поначалу. Не знали даже, что Терешкова с Быковским уже полетели...»

Не каждый способен был в таких условиях пережить еще хотя бы одну зиму. Соловьев отдал Якутии шесть лет и покинул Айхал только тогда, когда поселок в основном был построен.

Бригада? Да, конечно, у него была бригада: якут, белорус, бурят, грузин, украинец, осетин... И четверо, если и его считать, русских. Четверо Соловьевых—сам Александр Макарович, ставший уже дедом, и трое его сыновей:

Николай Александрович Соловьев (крайний слева) со своей бригадой * Остров Сахалин. Разведчики в пути.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ. Сборщица кабин Тамара Виткова * Главный конвейер автосборочного завода Камского объединения по производству грузовых автомобилей.

Николай — бригадир, Василий и Виктор. Пришлось им свою, фамильную палатку поставить. Они обшили ее досками от ящиков, утеплили и с юмором называли коттеджем. О бригаде заговорили в первый же год. О ней писали в газете, выходившей в Мирном. К 45-й годовщине Октябрьской революции она построила двухэтажный дом для «Якутниипромалмаза» и собиралась до нового года сдать еще один. Так она завоевывала свой авторитет. Работать в ней становилось престижным. «Кроме забот,— писала газета,— касающихся непосредственно строительной бригады, Николай Соловьев озабочен еще делами партийной организации ОКСа. Он партгрупорг цеха. Восемнадцать коммунистов в строительном цехе. Живой, простой в обращении, Соловьев находит с каждым из них общий язык. Партийная группа отдела капитального строительства самая боевая в парторганизации».

А летом в Айхал прилетел на вертолете громадный, могучего телосложения, ясноглазый человек. Светлый костюм, белая шляпа. Осматривал объекты, разговаривал с людьми, заходил в палатки, и его громоподобный голос разносился повсюду. Вечером устроил начальству разнос: «Плохо строите! Медленно строите! Надо уходить из палаток!» Об этом он говорил, бурно жестикулируя, и на партийной конференции. «Кто такой?» — спрашивали. «Батенчук, начальник «Вилюйгэсстроя». И ласково добавляли: «Батя».

Соловьев видел Батенчука еще раз, но уже в Чернышевском, когда он объяснял задачу, поставленную перед его бригадой. Ее вызвали в самый напряженный момент, на прорыв при строительстве Вилюйской ГЭС, и поставили на сооружение водосброса. Довелось бригаде Соловьева поработать позже и в Мирном, на строительстве здания аэропорта, и в самом Чернышевском. Что же касается Айхала, то в нем бригада коммуниста Соловьева строила все: скоростные бараки и трехэтажные первые монолитные дома, баню и клуб. Чтобы заложить фундамент, надо было вгрызаться в скалу. Взрывом нельзя: это диабаз, он даст трещины. Тогда Соловьев и его заместитель по бригаде грузин Николашвили решили вручную забивать в скалу металлические клинья. Какой это был адов труд, до кровавых мозолей на руках! Изо дня в день.

В 1966 году депутат Верховного Совета Якутской АССР Иванов вручил, как свидетельствует фотография, запечатлевшая этот торжественный момент, Николаю Соловьеву орден «Знак Почета», первый в его жизни орден. Примечательно, что одно время Иванов работал в бригаде Соловьева.

В Айхале в семье Николая Александровича появился пятый ребенок, девочка. Ее назвали Галюшкой.

ГОРОД НА КАМЕ. «Я всегда мечтал о масштабной стройке. На Братскую ГЭС опоздал, на Красноярскую тоже. Конечно, можно было оставаться в Кукуштане, на Южном Урале, куда я приехал после Айхала. Тут я был уже при должности — прораб, начальник строительного участка. Квартира в нормальном доме, все есть. Но и силенки еще есть. Чувствовал в себе еще не израсходованный запас. Ищу, куда бы... По вечерам в газеты вчитываюсь. А тогда включил телевизор и увидел знакомое лицо во весь экран. «Да это же наш батя! — кричу жене.— Батенчук! Про КамАЗ рассказывает». Я и раздумывать не стал. Раз Батя там — значит, дело стоящее. Нашел я друзей в Якутии — и на земле Татарии найду... Одна у нас земля, советская... Взял бумагу, конверт... В тот же вечер отнес письмо прямо на почту. А через три дня телеграмма от самого. Помню, в ней было: «Вылетай. Работы хватит».

Вечерний город. Теперь он носит имя Леонида Ильича Брежнева * Якутия. С рудой на фабрику.

Такой он, Николай Соловьев, душа неуемная. Душа ищущая...

О камазовском, еще не завершенном, самом длительном периоде его жизни можно было писать не очерк — повесть: так он насыщен событиями,— и в моих записных книжках немало страниц о нем. Вот несколько отрывков, падающих на первые челнинские годы, раскрывающих характер Соловьева и динамику стройки.

1972 ГОД, МАРТ. **В кабинет Батенчука, несмотря на свирепое предупреждение помощника, буквально ломится человек в ушанке, куртке и сапогах. Евгений Никанорович договорил с Москвой, поднял глаза: «А-а, Соловьев Николай, здравствуй,— точно виделся с ним только вчера.— Жить будешь в общежитии. Бери сейчас мою машину, поезжай на литейный». На литейном, в СМУ-24: «Будете строить теплотрассу на ремонтно-инструментальный завод. Начинайте сегодня, в крайнем случае завтра. Люди ждут». И понесла его, закрутила широкая камская волна...**

ТОТ ЖЕ ГОД, ЧЕРЕЗ ДВА МЕСЯЦА. То же СМУ. «Будешь делать Фэ-лэ-эмы на КСКЧ». Соловьев уже знал, что это такое: ленточные монолитные фундаменты на корпусе серого и ковкого чугуна, самого большого на литейном заводе. Такая же задача была поставлена и перед двумя другими бригадирами — Абдуллиным и Героем Социалистического Труда Новолодским (между прочим, вилюйцем тоже). Так они и пошли тремя бригадами, тремя потоками рядом.

1973 ГОД, СЕНТЯБРЬ. Соловьев: «Ну не чудно ли? Дали мне квартиру в доме на набережной Тукая,— приезжайте теперь в гости. Но никаких берегов, ни воды нет. Степь да шоссе под окнами пылится. Говорят, Нижнекамскую ГЭС построим, тогда море к нам подойдет. Как дела в бригаде? Кто оказался послабее — ушел. Один не может квартиру ждать, семья у него, другого в армию проводили».

Николай Александрович раскрыл пухлую в черной кожаной обложке тетрадь. «Веду для памяти учет каждому и все тут наши дела записываю. Сорок человек в бригаде. Сколотить коллектив трудно».

1974 ГОД, ФЕВРАЛЬ. В редакцию «Огонька» приехали бригадиры из Набережных Челнов. Накануне они были в Зеленограде у Николая Злобина. И вот сейчас у нас за «круглым столом» обменивались своими впечатлениями. Соловьев поделился первыми успехами своей бригады. Она намерена подписать подрядный договор на строительство главной понизительной подстанции — ГПП. Объект самый подходящий — ее можно сдать «под ключ». Настроение у Соловьева было приподнятое: «Мы впервые почувствовали себя настоящими хозяевами, избавились от мелочной опеки. Сами решаем, как лучше вести работы, сами считаем и бережем материалы. Собираемся, если так дело пойдет, сдать подстанцию на два месяца раньше срока, к Дню строителя».

МАРТ ТОГО ЖЕ ГОДА. Соловьева я нашла внизу, в глубоком котловане, где будет подвальный этаж подстанции. Бригадир озабочен. Начались перебои в поставке арматуры и сборного железобетона. Субподрядчики сорвали график прокладки труб в кабельном тоннеле, идущем к подстанции. «У них — стыдно смотреть — целый месяц уже простаивает кран. Вот вам и организация труда». В это время подошел диспетчер: «А бетона больше нет, привезли только половину положенного...» Зная характер Соловьева, я догадывалась, что за этим последует: пойдет по начальству, будет требовать и доказывать, будет выступать на оперативке, на штабе, на совете бригадиров.

ИЮЛЬ ТОГО ЖЕ ГОДА. Над ГПП ходят грозовые тучи. Соловьев мрачен, даже опустились уголки губ книзу на огорченном лице. «Никаких перспектив у подряда в этом СМУ нет,— роняет он вместо приветствия.— Фронта работ нам вовремя так и не предоставили. Первый этап полностью сорван, только сейчас сдали нулевой цикл. Второй этап — монтаж перекрытий и стен — тоже сорван. Нет стеновых панелей, и неизвестно, когда будут. Нет плитки для пола, «Металлургстрой» заблаговременно ее не заказал. И никого — ни начальника нашего СМУ № 25, ни главного инженера — это не беспокоит. Я их чуть ли не силой тащил к нам на ГПП, пусть, мол, поговорят с людьми. Рабочие потеряли веру в подряд... А так хотелось доказать всем, как он нужен! В прошлом и позапрошлом годах, когда работали по нарядам, нас завалили грамотами. В этом году получаем одни пинки...»

Драматическая ситуация, так сказать, налицо. Какая же будет разрядка? Подорван авторитет бригадира, он оказался несостоятельным перед бригадой: агитировал, рисовал радужные картины, а они оказались мыльными пузырями. Бригадир стал неугоден, нежелателен для начальства, идет напролом, требует; словом, скандалист какой-то. И когда Соловьев принес заявление с просьбой освободить его по собственному желанию от работы, вздохнули облегченно.

Но это еще не означало, что он отступил, решил сдать позиции, изменить себе. Соловьев пришел в партком объединения «Камгэсэнергострой». Я была там — чистое совпадение — в тот час и, к сожалению, без диктофона. А то записала бы очень острый диалог, который произошел в кабинете. А потом между двумя Болдыревыми — однофамильцами: секретарем парткома и начальником «Металлургстроя». Тот, второй Болдырев,— хозяйственник, даже не знал, оказывается, что бригадир-коммунист Соловьев у него уже не работает. Этот беспрецедентный факт был настолько нетипичен для Набережных Челнов, что стал предметом особого разговора на заседании бюро городского комитета партии.

...На некоторое время Соловьев выпал из поля моего зрения, вытеснили события, связанные с пуском первой очереди КамАЗа. Тем приятнее была неожиданная встреча с ним во Дворце культуры «Энергетик» летом 1976 года. Оркестр сыграл туш, и он, в строгом темно-синем костюме, сияющий и торжественный, поднялся со своей бригадой на сцену. Вручая ему вымпел и вторую премию журнала «Огонек» за победу в соревновании коллективов, работающих на подряде, В. А. Альфиш, главный инженер объединения, не забыл упомянуть о том тернистом пути, который прошел Соловьев здесь, в Набережных Челнах. В самый, может быть, критический момент своей жизни он не смалодушничал, не уехал со стройки, остался верен ей и, как подобает коммунисту, с достойной принципиальностью продолжал бороться за подряд. Он стал зачинателем бригадного подряда в «Сельстрое», организованном для создания мощной агрозоны вокруг Набережных Челнов. На строительстве птицефабрики он на деле доказал преимущество этого метода, значительно сократив не только сроки ввода пускового комплекса, но и затраты.

Прошло еще два года, и снова премия, на этот раз первая,— главный приз журнала «Огонек».

И вот совсем недавняя встреча в ноябре... Мы стоим у подножия прямоугольной башни на длинных, как ноги, еще не обшитых панелями колоннах. Верхние ярусы подпирают низкое серое небо. Здесь будет склад концентрированных комбикормов птицефабрики, очень нужный, «горящий» объект.

Ветер сечет лицо острыми снежными колючками, продувает насквозь. Как же неуютно там, наверху, монтажникам вешать панели... Если ветер усилится, то раскачает кран и работу придется приостановить. Бригадиру нужно предусмотреть это и подготовить запасной вариант расстановки людей.

Соловьев и Марат Садреев, его звеньевой, ведущий тут работы, недовольно обмениваются репликами: «Лето промурыжили, то того нет, то сего, а теперь давай жми, давай!»

Глубоким заблуждением было бы думать, что здесь, в этом гигантском птичьем городе, многие корпуса которого построила хозрасчетная бригада Соловьева, шло, наконец, все гладко. Да, ею освоено здесь около шести миллионов рублей, под стать иному строительному управлению. Но за каждый подряд в ходе его осуществления бригадиру-миллионеру приходилось биться с упорством и стойкостью. Конечно, Соловьев стал более гибким и проницательным и может обстоятельно объяснить, почему и кому не нравится бригадный подряд. Но о том, что за эту преданность делу удостоен в Набережных Челнах самых высоких правительственных наград — ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции,— он, скромный человек, непременно промолчит. Получал орден Ленина в один день с Батенчуком, только Бате еще вручили золотую звезду Героя Социалистического Труда.

А с героическим и любимым персонажем пьесы «Любовь Яровая» Соловьев знаком не по книге, не по фильму или спектаклю МХАТа или Малого театра. Швандю играл он сам. На сцене клуба, построенного им, что и подтверждается соответствующей почетной грамотой, врученной Н. А. Соловьеву как активному участнику коллектива художественной самодеятельности.

— У нас сцена была необычная, посреди зала. И вот представьте себе: Швандю ведут на расстрел, а он отплясывает «Яблочко». Здорово?

Я представила себе тридцатилетнего красавца Соловьева в бескозырке и бушлате, с усиками, как у Ливанова, отбивающего чечетку.

— Мы и «Кремлевские куранты» ставили...

САМЫЙ ДОБРЫЙ

Ю. СУРХАЙХАНОВ,
Фото И. ТУНКЕЛЯ

ДОКТОР

Саше Прудникову пять лет. Он сидит в кровати — левое колено забинтовано — и сосредоточенно вертит какую-то игрушку.

— Расскажи, что с тобой,— прошу я его.

— Сестра, Наташка, шила,— отвечал Саша, не отрываясь от своего дела (звук «ш» у него похож на «ф»),— и потеряла иголку в кресле, и не нашла, и она влезла мне в коленку.

Иголку уже вынули, и поэтому я спрашиваю его про Наташку, большая ли.

— Большая! Восемь лет. Кукле платье шила,— сказал Саша, по-прежнему сосредоточась на своей игрушке.

Узнав, что Саша приехал из Владивостока, я удивился: неужели тамошние врачи не смогли извлечь иголку?

— Случай достаточно сложный,— поясняет врач отделения,— не проще, чем задача с иголкой в стоге сена... Только здесь нога ребенка. Чтобы не наносить обширную хирургическую травму, нужно было точно установить место, где находится инородное тело, и его положение. Это делается с помощью специального прибора, а их пока немного — новая аппаратура, и вот Сашу привезли к нам, в Филатовскую.

Филатовская больница — хорошо известное в нашей стране лечебное и научное учреждение. Это одна из первых в России детских больниц, 6 декабря ей исполняется 140 лет. Она была задумана для детей беднейших слоев населения. «Московская детская больница, как благотворительное заведение, имеет своей целью подавать помощь детям, страждущим болезнями, возрасту их свойственными, исключая сумасшествия и совершенной неисцелимости»,— говорилось в записке, поданной на высочайшее имя московскими врачами во главе с основателем больницы Андреем Станиславовичем Кроненбергом.

Существовала больница главным образом на добровольные пожертвования и поэтому не раз была на грани закрытия, и однажды все же закрылась на целых два года. Только благодаря подвижничеству врачей ее открыли вновь. Во время первой мировой войны здесь был устроен лазарет. Демократические традиции здесь были очень сильны, и не случайно в дни революционных боев врачи оказывали помощь раненым рабочим, а двадцать девять дружинников были госпитализированы.

Но только после торжества Советской власти, когда в России остался лишь один привилегированный класс — дети, больница превратилась в крупнейшее научное и лечебное детское учреждение. Ей присвоили имя замечательного русского врача — основоположника отечественной педиатрии профессора Московского университета Н. Ф. Филатова. Нил Федорович долгое время работал в больнице.

Обо всем этом я узнал из беседы с главным врачом больницы, известным детским токсикологом, доктором медицинских наук Иваном Михайловичем Луцким. Закончив свой рассказ, Иван Михайлович переворачивает последнюю страницу кожаного альбома со старинными фотографиями. Мы с волнением рассматриваем эти реликвии, которые бережно сохраняют наследники Филатова. Так же бережно здесь сохраняются и традиции, заложенные русскими врачами-гуманистами XIX века.

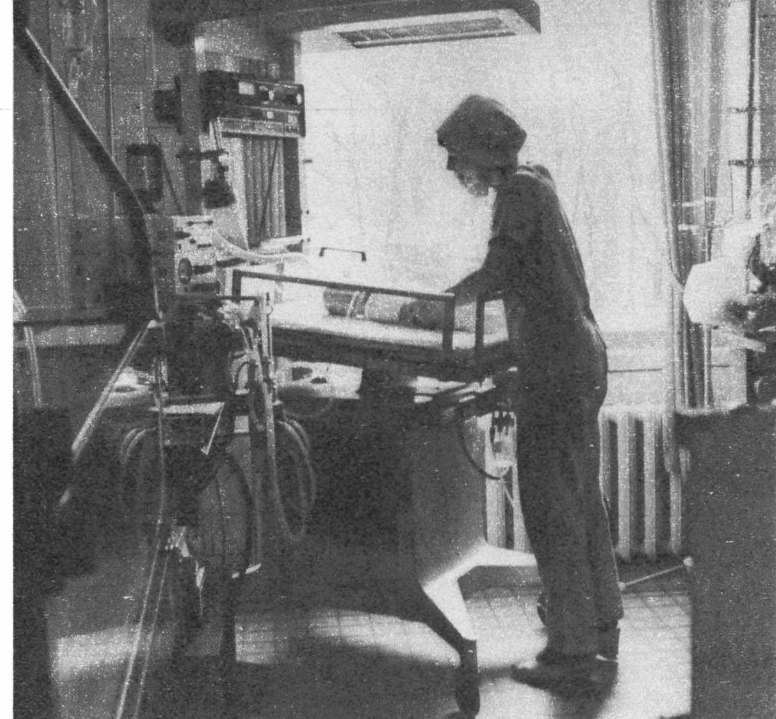
— Наша больница — московская городская, то есть такая же, какие имеются в каждом районном, областном центрах. Но в сложных, запутанных, особо тяжелых случаях медики приходят друг другу на помощь. Так вот и житель Дальнего Востока Саша Прудников оказался у нас,— говорит Иван Михайлович.— Ради заболевшего ребенка советские медики преодолевают любые пространства, так что дети, живущие в маленьких таежных поселках, в тундре, в пустыне или высоко в горах, на крохотных островах северных морей, если речь идет об их здоровье, гораздо ближе ко всем нашим большим городам, чем это может показаться на первый взгляд. Всегда, в любую секунду наготове тысячи врачей и тысячи единиц транспортных средств: самолеты, вертолеты, морские суда, автомобили, нарты, олени, вездеходы, лошади — любые средства передвижения. В считанные часы, если нужна квалифицированная помощь, по специальной картотеке бу-

Доктор Елена Аркадьевна Байдина и ее маленький пациент.

Здесь работал основатель отечественной педиатрии Нил Федорович Филатов.

Главный врач детской больницы имени Н. Ф. Филатова доктор медицинских наук Иван Михайлович Луцкий.

Больница оснащена самым современным оборудованием.

«Дышите, больной, дышите!»

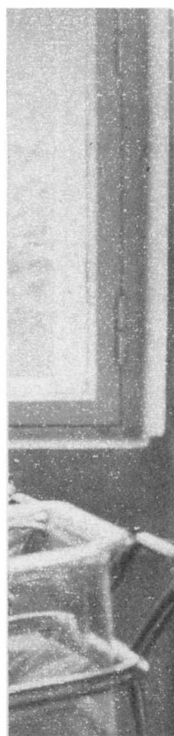

Утро будет добрым.

«Эти руки совсем не страшные»,— говорит Неля Корочанская. А врачам они позволяют лечить и содержать раны больных в строго стерильных условиях.

дет разыскан и вызван нужный специалист, а если потребуется, то и целая бригада врачей из районного центра, областного, республиканского и союзного. И среди наших, филатовских врачей очень многие постоянно оказывают такую помощь по линии санитарной авиации. Группой наших врачей разработана передвижная операционная, которую можно мгновенно развернуть в любых сложных условиях, например, в поле, и оказать хирургическую помощь. В особо сложных случаях ребенка немедленно доставляют к нам. В Филатовской больнице работают главный детский хирург СССР профессор II Медицинского института Эдуард Александрович Степанов, главный детский анестезиолог и реаниматолог СССР Виктор Аркадьевич Михельсон, главный детский уролог СССР Анатолий Павлович Ерохин.

Филатовская больница прежде всего — крупнейший в стране да и, пожалуй, в Европе научный центр детской медицины. Можно назвать десятки, сотни сложнейших операций, которые впервые в истории медицины сделали хирурги Филатовки, как нежно зовут больницу москвичи. Моему другу Михаилу Аристову — мы вместе учились в Московском университете, он был едва ли не лучшим спортсменом нашего курса, а сейчас работает редактором Всесоюзного радио — в двухлетнем возрасте хирург Филатовской больницы Александр Александрович Бершадский сделал сложнейшую операцию на брюшной полости, чем спас ему жизнь. Показательно, что в течение десятка лет после этого хирург приходил к Мише домой просто в гости. Многие неизлечимые ранее болезни усилиями врачей Филатовки теперь стали излечимыми.

Мы побывали во многих отделениях: терапевтическом, хирургическом, нефро-урологическом. Дети везде остаются детьми, и, даже когда хворают, все равно их тянет пошалить, порезвиться. Для того чтобы ребята не нанесли себе вред, их энергию нужно направить в разумное русло. И в каждом отделении оборудованы игровые комнаты. Под присмотром опытных воспитателей они играют, рисуют, смотрят диафильмы, читают, слушают музыку — в комнатах есть стереоустановки для грампластинок.

Чтобы ребята за время пребывания в больнице не отстали от своих школьных товарищей, целый штат преподавателей занимается с ними по основным дисциплинам.

Переходя по улице из одного корпуса в другой, я увидел бюст, вырубленный из толстого ствола дерева и изображающий старца в чалме, с восточными чертами лица. Я поинтересовался, кто сделал его, и узнал любопытную историю.

Оказывается, в больнице долгое время лежал один мальчик. Окна его палаты выходили во внутренний дворик, где срубили старое дерево. Мальчика каждый день навещал отец. Он приходил под окно, доставал стамеску, молоток и обрабатывал ими большое бревно, а мальчик наблюдал, как папа работает. Каждый день дело понемногу продвигалось вперед, а в день, когда мальчика выписали, скульптурный портрет старика Хоттабыча был закончен. А теперь его перенесли в сквер больницы, чтобы видели все дети.

Оборудование больницы сегодня настолько мощно, настолько поражает, что кажется: для современного врача при постановке диагноза, а затем при лечении больного личный контакт с пациентом играет совсем незначительную роль. И даже, грешным делом, подумалось, что в будущем, с развитием медицинской техники, больной и врач вообще перестанут встречаться «в рабочей обстановке». Эта еретическая мысль меня преследовала до тех пор, пока я не посмотрел, как идет прием. Но она же мне и помогла в какой-то мере ощутить, в чем состоит подвиг врача-педиатра.

Большинство пациентов Филатовской больницы — дети в возрасте до трех лет. Они и со своими-то родителями еще не нашли общего языка, и что уж тут говорить о незнакомом дяде или тете в белом халате. Каким же надо обладать терпением, тактом, какой любовью к детям, творческой смелостью, чтобы взять на себя великую ответственность лечить ребенка. И тут мне вспомнились слова, сказанные в нашем разговоре главным врачом Филатовской больницы И. М. Луцким: «Мало быть талантливым врачом, нужно быть и талантливым педагогом — сложение этих двух качеств и дает нам педиатра».

Как иллюстрацию этого высказывания приведу такой пример. В одном из кабинетов амбулаторный прием вел уролог Александр Николаевич Сазонов. В кабинете, кроме врача, присутствовали шесть студентов II Медицинского института. Тут нужно сказать, что Филатовская больница — и учебная база этого института, поэтому большинство врачей, работающих здесь, бывшие выпускники, а теперь профессора этого прославленного вуза — академик Юрий Федорович Исаков, член-корреспондент АМН СССР Вячеслав Александрович Тоболин... Так вот, в кабинете было довольно людно уже тогда, когда вошли мы — хоть и в белых халатах, но обвешанные фотоаппаратами. Александр Николаевич Сазонов расспрашивал девочку лет 7—8, выясняя симптомы болезни. Тут же сидела и ее мама. В самой позе врача, в том, как он сидел, как говорил, слушал, было что-то настольно располагающее, что девочка, ничуть не смущаясь многолюдным собранием, отвечала на вопросы. Весь ее вид говорил, что она старается помочь врачу. А вот мама ее несколько раз произнесла: «Как? Ты же мне этого не говорила!» Даже родители (пусть не в укор им это будет сказано) не всегда умеют доверительно расспросить ребенка.

А вот детский врач может.

НЕ ВЕТЕР,

Наталья КАЛИНИНА — ПОВЕСТЬ — Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

— Больше не буду, не буду.— Тамара громко всхлипнула.— Он всю неделю ко мне по пустякам придирался. То играю я неискренно, то с мамой грубо разговариваю. Позавчера ночью вообще ушел спать в свой кабинет.— Она всхлипнула и поднялась с колен.— А Полька следит за мною и все время лыбится. Господи, когда же ее тетя Маша от нас заберет? Это из-за нее Алешка спятил. Представляешь, сказал, что я через десять лет буду вылитая тетя Поля и что вроде бы у нас с ней и сейчас много общего. Нет, ну ты представляешь, сравнить меня с этой... дурочкой? — Она опять запрыгала по комнате, веял на Ольгу тяжелым запахом духов.— Я раскричалась от обиды, обозвала его злым кретином, а он улыбался и смотрел на меня. Ольгушка, знаешь, как он на меня смотрел? Будто в первый раз видит. Потом наверх пошел, я что-то кричала ему у лестницы, не помню что. Через пять минут спустился в костюме и с портфелем. Сказал матери, что едет к своим на выходные. Ольгушка, спи сегодня со мной. Не переживу я еще одну такую ночь...

— Ну, что особенного, он же к матери поехал...

— Раньше один никуда не ездил — везде меня с собой таскал. Знал же, знал, что у меня тоже эти дни свободные. Нарочно, нарочно уехал. Господи, как я его ненавижу за это... Знаешь, что он мне говорил в первую ночь?— Тамара приблизила к Ольге свое лицо, и та увидела, что ее глаза светятся каким-то одержимым блеском.— Говорил, будто я сошла с картины Боттичелли, что он любит в женщинах нежную, не чувственную красоту. Ольгушка, неужто я постарела? Скажи, а? Что мне делать? А вдруг он влюбился?

— В кого?— неожиданно громко спросила Ольга и испугалась собственного голоса.

— Ну, мало ли в кого. Вокруг него вечно студентки увиваются. Они его обожают. Он такой красавец, когда лекции читает. Запросто влюбиться можно. Давай как-нибудь сходим... О господи, только бы он скорей вернулся.

Ольгина жизнь в максимовском доме временами становилась невыносима. С Алешей действительно творилось что-то странное. Иной день он носился с Тамарой как с писаной торбой, стараясь предвосхитить каждое ее желание, а то вдруг делался с ней резок, цепляясь к каждому слову, в конце концов уходил к себе в мансарду, и над всеми еще долго ухали его тяжелые, раздраженные шаги. Тамара осунулась, постарела и, как казалось Ольге, стала сильней припадать на левую ногу. У Анастасии Никитичны теперь не переставая дрожали руки. Разливая по чашкам чай, она брызгала вокруг кипятком, что тоже вызывало недовольство Алеши. Лишь одна тетя Поля оставалась безмятежно спокойна и невозмутима. Ее большие, вечно удивленные глаза то и дело задерживались на ком-нибудь, подолгу не выпуская из своего поля зрения. Обычно после скандала и ухода Алеши в мансарду Тамара заходила в Ольгину комнату и до полуночи, а то и дольше рассказывала клевавшей носом Ольге о самых сокровенных моментах их отношений, то и дело всхлипывая и прикладывая к разбухшему носу платочек. Однажды утром, когда они вдвоем торопливо пили кофе, собираясь на работу, Тамара вдруг застыла, не донеся до рта чашку, и сказала тревожным шепотом:

— Теперь я точно знаю: он влюблен.

Ольга от неожиданности поперхнулась кофе.

— Да, да. Потому я и... не нужна ему стала. И суетливый какой-то, глаза бегают. Точно скрыть что-то пытается.— Тамара говорила спокойно, даже отрешенно.— Я уже устала, ой, как я устала бороться. Пускай себе...— Она вскочила, не допив свой кофе, и стала одеваться.— Все равно ко мне вернется. Жалость в нем сильней всего развита. Только мне не жалость нужна,— говорила она уже на улице.— Как ты думаешь, Ольгушка, он влюбился или полюбил? Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Хотя откуда тебе это знать — у тебя душа свежая, нестрадавшая...

Она грустно усмехнулась, смахнула варежкой набежавшую слезинку и отвернулась.

Теперь Ольга допоздна засиживалась в редакции, с удовольствием подменяла дежурных — только бы не идти домой,— и это ее неожиданное рвение у некоторых вызывало недоуменное непонимание, тем более что после того злополучного очерка она вроде бы была на хорошем счету у начальства.

«Березовский наверняка считает меня хитрой карьеристкой,— думала Ольга.— Он в какой-то степени прав, хотя в связи с очерком приписывает мне несуществующие пороки. Он ведь не видел оригинала. А я молчу, потому что боюсь скандала, который может, как выразился Коля, закрыть мне дорогу. Расчетливая современная женщина, вот кто я».

Она беспрестанно казнила себя этими думами, ругала, что не осталась в Москве — писала бы коротенькие, в тридцать — сорок строк, информации о выставках и премьерах, зато бы совесть была спокойна. А тут вдруг оказалась в роли мирового судьи, причем сыграла ее карикатурно грубо. В довершение всего этого до предела наэлектризованная атмосфера максимовского дома, неразбериха в их отношениях с Колей.

С водворением в доме тети Поли он появлялся там все реже и реже, ссылаясь главным образом на свою занятость. «Ну, как, Алешка все еще не перебесился?— как-то спросил он у Ольги в полушутливой манере.— Ты там не больно обращай на них внимание — еще та семейка. Каждый со своим комплексом. Когда надоест до чертиков, чего-нибудь придумаем».

Однажды Ольга возвращалась домой уже после десяти, соблазнившись приглашением Саши Березовского пойти на просмотр нашумевшей американской картины. Она сама не велела Саше провожать ее до дому, а теперь, очутившись на пустынной улице, почувствовала себя не совсем уверенно. Снег зловеще поскрипывал под ее сапогами, над головой противно гудели, изогнув свои змеиные шеи, подслеповатые фонари дневного освещения. «Классическая детективная ситуация: луна, снег, безлюдная улица. Сейчас появится насильник с капроновым чулком на лице»,— подсмеивалась над своими страхами Ольга, а сама плотней запахивала дубленку и убыстряла свои и без того летящие шаги.

Она с трудом подавила в себе крик, когда из переулка действительно вышел высокий мужчина и свернул на ее улицу. Теперь она неслась бегом вдоль глухих дощатых заборов. Навстречу ей летела такая же пустынная, залитая лунным светом улица.

Мужчина шел быстро, упорно держась в тени заборов, но расстояние между ними не сокращалось. «Ждет, что я сверну в какой-нибудь глухой переулок»,— пронеслось в ее мозгу. Она обернулась. Мужчина на мгновение остановился, прикуривая сигарету, потом снова заскрипел снегом.

Ольга влетела в столовую, не разуваясь. На нее с недоумением уставились три пары глаз — за столом не было только Алеши.

— Там... гнался кто-то за мной,— с трудом переводя дух, объяснила она.

Тамара, сложив ладони кружком, прижалась к наполовину замерзшему окну.

— Хулиганья развелось — избави господи,— посочувствовала Анастасия Никитична.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47—49.

ВЕЯ С ВЫСОТЫ...

— Ей недолго ходить одной,— вдруг подала голос тетя Поля.

Тамара оторвалась от окна, медленно вернулась на свое место.

— Никого нету. Небось, в переулок свернул. Однако ж Алешка наш загулял...

Ольга помешивала горячий крепкий чай и постепенно приходила в себя. Просто шел человек своей дорогой, а она бог знает чего напридумывала. Тоже последнее время нервишки пошаливают.

Скрипнула калитка, Тамара вскочила со стула и замерла у двери, терпеливо ожидая, пока Алеша разуется в сенях.

Он настежь распахнул дверь, обвел взглядом сидящих за столом, улыбнулся Тамаре.

— Это не ты нашу Ольгушку напугал?— спросила та, беря у него из рук шапку.— Прибежала белее снега.

— Разве я могу кого-нибудь напугать? Правда, Оля?— Алеша сел за стол, придвинул к себе уже налитую Анастасией Никитичной чашку.— На улице-то как удивительно: тихо, лунно, снег под ногами шепчет о чем-то. Благословенная среброснежная ночь.

— А незнакомку ты случайно не встретил? В современной дубленке и без вуали?— поинтересовалась Тамара.

— Вот она.— Тетя Поля указала своим скрюченным пальцем в сторону Ольги, над которой висела большая репродукция «Неизвестной» Крамского.

Тамара прыснула.

— Скажи, какая эрудиция.

Тетя Поля обиженно поджала губы и нехотя опустила палец.

— Томочка, а у нас нет лимонной настойки?— попросил Алеша.— Хочу выпить за прекрасную даму, которая расхаживает одна по ночам и, как ты выразилась, без вуали.

— Одним словом, за прекрасных женщин,— сказал бы наш высокомерный Колька, бросивший нас на произвол судьбы, как Понтий Пилат,— подхватила Тамара, наливая в рюмки ядовито-желтую настойку.

Ольга заметила, что она залпом проглотила свою рюмку, и уловила в ее глазах какой-то отчаянный блеск.

— Томочка, тебе совсем нельзя пить,— робко подала голос Анастасия Никитична.— А ты как извозчик — до дна.

— Я и есть извозчик. Не всем же быть прекрасными незнакомками в канадских дубленках, которых преследуют на лунных улицах красавцы поэты.

Она стрельнула взглядом в сторону Алеши и тут же испуганно его отвела.

У Ольги кровь бросилась в лицо — она была просто не готова к такой подлости со стороны Тамары.

На бледном лице Алеши резко выступили скулы. Он вышел из-за стола, стал за спиной Ольги, скрестив на груди руки. Она не могла оторвать глаз от его отражения в мутном старинном зеркале на стене.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

Средь этой пошлости таинственной
Скажи, что делать мне с тобой,
Недостижимой и единственной,
Как ветер дымно-голубой?

— Браво!— истерично крикнула Тамара.— Наконец ты раскрыл свои карты при электрическом свете.

— А я их никогда не прятал. Правда, Оля? Какие у тебя волосы шелковые и душистые, как у Офелии.

Он с картинным изяществом склонился к ее макушке и слегка коснулся губами волос. Ольга вздрогнула, будто сквозь нее пропустили ток. Ей хотелось скинуть со своих плеч его большие, тяжелые руки, встать и выйти из этого магического светового круга, падающего из-под большого оранжевого абажура над столом, но она сидела недвижно и глядела в зеркало на свое растерянное лицо, обрамленное рамкой его широких надежных плеч.

«Какой-то балаган, дешевый провинциальный балаган»,— думала она.— В этот момент Алеша подмигнул ей из глубины зеркала или же это всего лишь качнулся оранжевый круг абажура...

И вдруг погас свет. У них это часто случалось — включался холодильник и из-за него иной раз вышибало пробки. Приходилось лезть в сенях под самый потолок с горящей свечой в руке, шатаясь и балансируя на ветхой деревянной стремянке.

«В Москве никогда не бывает такой черной темноты — там вечно блеклое небо»,— успела подумать Ольга, и тут по ее телу жадно заскользили горячие ищущие руки. Она перехватила их, с трудом оторвала от себя и не сразу отпустила.

Ольга резко встала и, ориентируясь по звездному окну, пошла к буфету за свечой. Занявшийся чадящим огоньком фитилек выхватил лица трех женщин за столом, застывших в одинаково скорбных или отрешенных позах. Ольга вышла в сени и, взгромоздившись на лестницу, нажала на кнопку пробки.

Они сидели в той же позе, только теперь электрический свет безжалостно выхватил бледные угрюмые лица, высветил все складки и морщины, снова объединив в одно целое своим магическим желтым кругом. Она уже стояла за его пределами и видела все со стороны.

Алеши в комнате не было.

Ольга накинула дубленку и через летнюю террасу вышла в сад. Между голыми ветками деревьев слегка светилось чужое, равнодушное небо, сбрызнутое расплывчатым ореолом полумесяца. «Бежать, нужно отсюда бежать. Из этого дома, из этого города...» Она заметила в дальнем конце сада огонек сигареты, остановилась. Он тоже застыл на месте, словно сросся с черной пустотой морозного воздуха. В угловой комнате Анастасии Никитичны вспыхнул узкий оконный проем, проложив длинную желтую дорожку в глубь сада.

Ольга поспешила нырнуть в темноту.

Там ее встретили Алешины руки, подхватили, закружив в бешеном водовороте, увлекая в глубокую черную воронку, о стенки которой гулко и радостно ударялось сердце.

— Что мне делать? Я хочу тебя. Всю, всю...

— Алеша, это мерзко, пошло... Весь сегодняшний вечер.

— Нет, нет. Я приду к тебе сегодня ночью.

— Я завтра уеду от вас...

— Уезжай куда хочешь — я за тобой.

— Тамара все поняла.

— А ты пока ничего не понимаешь, дитя мое. Но от Коли ты уже отказалась.

— Если я тоже полюблю тебя, нам будет очень трудно.

— Ты меня уже любишь. Только мучаешься благородством.

— А ты решил действовать в открытую?

— Так им трудней разобраться.

— Скажи, Алеша, когда это началось?

— Не с первого взгляда...

Сон так и не пришел к ней в ту ночь. Она ругала себя за слабоволие, за предательство по отношению к Тамаре, а сама прислушивалась, не скрипнет ли под его шагами старая лестница, ведущая в мансарду. С вечера она накинула на своей двери крючок, потом среди ночи встала и, сама не зная почему, тихонько вынула его из большой ржавой петли. Если он придет, она, конечно же, его прогонит, но все-таки пусть он придет. Нет, нет, бред какой-то... Бред...

Утром Тамара без стука вошла в ее комнату, села в ногах кровати и, глядя куда-то вдаль, поверх пляшущих в окне под дикие завывания ветра веток шиповника, устало сказала:

— Оля, прости вчерашнее. Только не съезжай от нас, иначе беда будет. Ты ни при чем. Он все равно бросит меня. Из-за тебя, из-за другой — какая разница. А ты чистая и глупая совсем. Он сказал, что уедет в свою станицу и будет учительствовать в школе. Я за ним поеду — хоть издали буду видеть... А вы друг другу не подходите.— Она ехидно сузила свои большие покрасневшие от бессонной ночи глаза.— Он дремучий, а ты... В Москву к себе вернешься.

Она встала и пошла к двери, захватив с собой кота, недовольно размахивающего своим змеино-длинным хвостом.

— Вот и Прошка к тебе липнет, а ведь это я подобрала его возле водокачки еще совсем слепым и из соски выкормила. Оля, скажи, я правильно догадалась про вас с Алешей?— прижимая к груди кота, спрашивала Тамара.

Ольге вдруг безумно захотелось, чтобы их с Алешей короткое свидание в ночном морозном саду осталось тайной, пусть даже между ними ничего больше не будет, наверняка не будет, но пусть о том, что было, не знает никто.

— Как ты думаешь, было бы лучше, если бы я вчера при всех ударила его или же обозвала клоуном?

— Ударить надо было меня. Это все из-за меня. Мама то же самое сказала. Ох, какая же я психопатка. Говорят, к сорока все женщины становятся ревнивы.

Она опустила кота на пол, и тот, отряхнувшись, прыгнул на письменный стол, а со стола в открытую форточку.

— Ты хорошая, Оля,— сказала она и, шмыгнув носом, скрылась за дверью.

Накануне отъезда в Венгрию Коля устроил у себя прощальный ужин. Ольга приехала последней, потому что записывала на областном телевидении беседу с одним местным писателем, выдвинутым на соискание Государственной премии.

Она позвонила в дверь, когда пирушка уже была в полном разгаре. Почему-то ей открыл Алеша, молча помог раздеться, стараясь не прикасаться к ней. Они не виделись после вчерашнего, и ей казалось, что с того объяснения в саду прошли долгие недели, даже месяцы.

Компания уже изрядно подвыпила. Ольге представили томную златокудрую девицу в облегающем с блестками платье, «примадонну нашего театра», как объяснил Коля. Она говорила хорошо поставленным грудным голосом и была явно недовольна тем, что появление Ольги на какое-то время лишило ее безраздельного внимания присутствующих. Ольга села рядом с Тамарой, которая показалась ей жалкой и растерянной в этой шумной компании здоровых, уверенных в себе людей.

— Ты много потеряла,— сказала ей почти в самое ухо Тамара.— Вон тот хмырь, что рядом с тобой, поэт, между прочим, читал свои стихари. Так, барахло, но все хвалили взахлеб, потому что он местным союзом заправляет. А Алешка взял да ляпнул, что за такие стихи поэтов надо вешать. Колька прав — он совсем распоясался.

Алеша сидел на другом конце стола, слишком подтянутый и чужой и, однажды встретившись с ее взглядом, чуть приподнял бокал и, слегка качнув им в ее сторону, пригубил вино.

— Наш Колька за этой блондорановой мымрой приволокнулся,— тихонько сообщила Ольге Тамара.— Только ты не страдай — это так, поверхностный флирт.

«Как все изменилось со времен Дюрсо,— думала Ольга.— Знай я, что оно так повернется, ни за что бы не приехала сюда... Нет, это ты врешь,— тут же одергивала она себя,— мучаешься благородством, как бы выразился Алеша. Тебе ведь хорошо, очень хорошо, пусть даже Алеша сидит на дальнем конце стола, пусть нам не суждено сказать сегодня друг другу ни слова, все равно хорошо, хорошо...»

Она опустила глаза, опасаясь, что они блестят уж слишком возбужденно. Тамара истолковала это по-своему.

— Алла, а каков принцип отбора в театральное училище?— звонко спросила она.— Что там предпочитают: талант или красоту?

Блондинка с недоумением уставилась на эту тихую и, как ей казалось, угнетенную своей неполноценностью женщину.

— Настоящая актриса должна быть и талантлива и красива,— постукивая перламутровым ноготком по ножке своего бокала, снисходительно ответила Алла.— Конечно, бывает, берут за одну внешность, в таком случае...

— В таком случае актрисе, чтобы иметь положительные рецензии, необходимо окружить себя поклонниками из прессы, предпочтительно мужского пола.— Тамара высоко подняла бокал.— Хочу предложить тост за прекрасных женщин, знающих, как обворожить нашу суровую прессу!

— Ура!— громко подхватил сидящий рядом с Ольгой поэт.— За нашу обворожительную Аллочку!

Ольга видела, как раскрасневшийся Коля, склонившись к златокудрой актрисе, что-то объяснял ей на ухо, указывая глазами на Тамару, а та кивала своей пышной головой, и Ольге показалось, будто она расслышала слово «бедняжка», сорвавшееся с ее лиловых губ. Она нащупала под столом Тамарину ногу и прижалась к ней своей коленкой...

— А Колька наш все-таки Дон-Жуан,— рассуждала Тамара, когда они ехали домой в такси.— Наверняка спит с этой мымрой. Ты только, Ольгушка, не принимай это слишком близко к сердцу. Ты ведь знаешь, на платоническую любовь способна только женщина, не всякая, разумеется. Годами будет издали обожать и верность хранить. А они...— она кивнула в сторону сидевшего рядом с шофером Алеши,— поклонники любви, так сказать, осязаемой. Им надо предмет своей любви подчинить себе во всех смыслах. Между прочим, Алешка, Колька свои ключи на этот раз не тебе, а мне оставил,— похвалилась она, тыча в его плечо пальцем.— Тоже заметил, что ты ноздри раздуваешь.

— Какая ты у меня сегодня бойкая! — Алеша поймал Тамарину руку, ласково сжал в своей.— Конечно же, в актрисе, как и в каждой женщине, важней всего ум, талант, свет души,— задумчиво сказал он.— Красота обязательно должна быть озарена изнутри. Только не надо упрекать нас за то, что мы хотим этой красотой обладать. А насчет Коли ты неправа. Он глубоко страдает. Только тут никто не может быть виноват...

Когда они выходили из такси, Тамара неожиданно подвернула ногу и упала на бок. Алеша бережно поднял ее на руки и понес к дому. Ольга вдруг вспомнила, как он вносил Тамару в штормившее море, а отдыхающие, особенно женщины, смотрели на них с берега. Ей почему-то сделалось не по себе от этих воспоминаний.

Тамара угодила в больницу со сложным переломом лодыжки. Алеша бывал у нее каждый день, носил банки с бульонами и соками, приготовленными Анастасией Никитичной. Ольга тоже наведывалась к ней после работы, и Тамара подробно выспрашивала у нее, что делает вечерами Алеша.

А Алеша затворился в своей мансарде и даже не всегда спускался к ужину. Свет от его незашторенного окна серебрил сугробы в конце сада, и Ольга, засыпая, обычно уносилась мыслями к тому далекому и странному вечеру, осиянному бледным серпом месяца, точно рассекавшему ее жизнь на две части.

С отъездом Коли у нее точно гора свалилась с плеч, хотя она часто и не без грусти вспоминала его. Ложась в больницу, Тамара отдала ей ключи от его квартиры и попросила наведываться туда хотя бы через день.

Теперь Ольга ходила по большой Колиной гостиной, смахивая тряпкой пыль с подоконников и с мебели, и думала о том, что ни за что бы не хотела жить вот в такой квартире. Все в ней новое, с иголочки, все стоит на своих местах на зеркально-лаковом паркете. А в старом доме на Бездорожной круглый обеденный стол вечно кочует с места на место в зависимости от того, из какого окна дует, огромный, наполеоновских времен, буфет поблескивает разноцветными стеклами, а в щели из-под дощатого пола врываются холодные, пахнущие мышами и сыростью сквозняки.

Она взяла с полки старенький, потрепанный томик Алексея Константиновича Толстого, и из него вывалилась на кресло фотография.

«Это я в Дюрсо — Алеша меня снимал,— вспоминала она, сидя на корточках.— Это когда настала моя очередь идти за хлебом, а он вызвался в провожатые. Мы с ним шли по самому пеклу и почему-то все время смеялись. Теперь уже не узнать, какое стихотворение было заложено карточкой. Неужто мое любимое «Не ветер, вея с высоты...»?»

Она возвращалась домой в быстро сгущаю-

С Федоров. Род. 1937. ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТИВ НЕЙТРОННОЙ БОМБЫ.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

С. Овсепян. Род. 1947. ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

щихся синих сумерках и в ней звучали взбудоражившие душу еще в ранней юности строки:

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.

В доме Максимовых было темно, и Ольга долго рылась в сумке, отыскивая ключи. Но дверь была не заперта, и она, войдя в холодные и темные сени, нащупала на стене выключатель. Бесполезно. Опять вышибло пробки.

Ольга ступила в теплую столовую, слегка подсвеченную раскалившейся докрасна печкой. Ее привыкшие к темноте глаза разглядели пустой стол, посредине которого безраздельно царствовала длинная ваза с искусственными цветами. Когда семья собиралась за столом, вазу обычно ставили на буфет, а так как эти засидки были частыми и долгими, цветы неделями пылились под потолком. «Как сказывается Тамарино отсутствие,— невольно подумала она.— Теперь почти не видимся: так, мимолетом, и каждый по своим кельям, как выражается Анастасия Никитична. Но где же они все? Неужто улеглись спать в такую рань?»

Ольга сняла с печки давно и бесполезно кипевший чайник, заварила при свете огарка чай и примостилась с чашкой у теплой печной стенки. «Анастасия Никитична, кажется, собиралась отвезти сестре Полю, небось, там и заночевала, Алеша где-то ходит... Но почему же тогда не заперта дверь?»

Ее внезапно обуял страх. Она метнулась в сени, закрыла входную дверь на задвижку. По пути обратила внимание, что темно и у соседей. Значит, на их улице отключили свет.

В доме было по-прежнему тихо, но теперь Ольга каким-то непостижимым образом чувствовала Алешино присутствие. Она бы не смогла объяснить, как именно, но знала точно, что он затаился в темноте и прислушивается к каждому ее движению.

Услышав звяканье посуды, Прошка тяжело спрыгнул с дивана и, потягиваясь и мурлыкая, лениво подошел к ее ноге. Его нагретая возле печки шерсть трещала и брызгала искрами электрических разрядов, и Ольга каждый раз вздрагивала, проводя по ней, но снова и снова тянулась к его спине своей сухой пощипывающей ладонью.

Алеша спускался медленно и тихо. Каждый его шаг отзывался у Ольги где-то глубоко внутри.

— Ты мне нальешь чаю?— остановившись посреди комнаты, попросил он.

Он сидел за краешком стола вполоборота к ней, задумчиво помешивая свой чай. Его профиль был темным, далеким, и Ольге на какую-то долю секунды показалось, что между ними ничего нет и не было, что это все ее больное воображение...

— Я, Оля, читал твое эссе о Чайковском,— медленно говорил Алеша. Его слова с трудом преодолевали сопротивление тяжелого полумрака.— В одном я с тобой не согласен. Ты пишешь, что для истинного познания творчества художника следует знать мельчайшие детали его биографии, а я считаю, я твердо уверен в том, что нельзя все без остатка вываливать на суд толпы.

— Ну да, была бы на то твоя воля, ты бы причислил их всех к лику святых, о которых мы знаем лишь даты их рождения и смерти.

— Да, они должны быть святыми для нас. Гений — явление непостижимое, как, впрочем, и любовь...

Алеша прикурил от свечки сигарету, откинулся на спинку стула.

— Понимаешь, Оля, меня последнее время не покидает ощущение, будто я живу не своей жизнью. Мать с детства внушала мне, что я должен непременно выбиться в люди. Под этим она подразумевала институт, чистую городскую жизнь. Они мной теперь гордятся — мать и сестры, а я, когда в свою станицу приезжаю, чужим себя среди них чувствую. И здесь вроде в гостях... В детстве, помню, траву косил, картошку сажал, на уборочной помогал, и так сладко засыпалось после этих трудов, таким богатым прожитый день казался, а теперь ворочаешься с боку на бок и думаешь о том, что день прожит бездарно, пошло. А та чистая речка, на берегу которой прошло детство, все круче и круче поворачивает свое русло, отдаляясь от меня, и вот уже мне видна издалека лишь ее серебристая излучина.

— Тебе хочется вернуться в свою станицу...

— Это равносильно возвращению в детство. Я понимаю разумом, что я там уже не нужен, что здесь я полезней в десять раз, но сердцу этого не докажешь. Знаешь, Оля, я мечусь последнее время. До этого некогда было — институт, аспирантура, диссертация. Вроде бы многого достиг, многое открылось взору, а радости в душе нет. Особенно остро я почувствовал это, когда узнал тебя.— Он отвернулся к заросшему диковинными морозными узорами окну, в котором металось пламя догорающей свечки.— Как все переплелось: любовь, дружба, родственные связи. Опутало нас по рукам и ногам. Почему другие могут врать, притворяться, изворачиваться, а мы... Оля, ей-богу, я до сих пор не знаю, любишь ты меня или...

— Я сама не знала. Люблю,— одними губами произнесла она.

На рассвете поднялся сильный ветер. Сквозь сон Ольга слышала стук веток по деревянной обшивке дома, пронзительный скрип старых, рассохшихся ставен. Одна из них сорвалась с крючка и хлопала со всего маху по раме, обрушивая со стекла рыхлые налепи мокрого снега, потом, подхваченная боковым ветром, ударялась о стену, отчего стонал весь дом. Теперь в этот стон еще вплелся противный, дребезжащий звук. Ольга с трудом разлепила веки. В столовой надрывался телефон. Она запахнулась в длинный халат и уже в коридоре услышала Алешино взволнованное: «Да, я вас слушаю».

Она распахнула дверь и замерла, издалека любуясь его размытым белесыми сумерками, сочащимися из доверху залепленных снегом окон, профилем, тонкой мальчишеской шеей, выступающей из-под надетого на голое тело старого свитера.

Алеша медленно положил трубку.

— Тамара упала в коридоре и сломала бедро.

Он бросился бегом в мансарду. Через несколько минут спустился, одетый и застегнутый на все пуговицы. Ольга стояла все в той же позе у остывшей за ночь печки, съежившись от жуткого холода.

На пороге Алеша обернулся.

— Оля, я... никогда не забуду эту ночь...

Ей было обидно, обидно до боли, что Алеша бросил ее одну в этом заметенном чуть не по самую трубу снегом, холодном, неуютном доме. Бросил после того, что было сегодня ночью. Да, разумеется, он должен бежать к Тамаре — она его за это нисколько не осуждает, но он должен был сделать это как-то иначе. Как? Сказать, что, несмотря ни на что, любит ее больше всех на свете. «Господи, но ведь это гадко, пошло в такую минуту,— уговаривала она себя, размазывая по скулам горячие, почти совсем ослепившие ее слезы.— Он поступил так, как должно. Ну, а если бы на месте Тамары оказалась я? Он что, тоже бы поспешил ко мне сломя голову?..»

На этот вопрос она ответить не умела и лишь металась от окна к двери в заставленной мебелью Колиной квартире, натыкаясь на стулья, кресла, острые углы длинного журнального столика. «Я злая, злая,— укоряла она себя.— А ведь ей сейчас плохо, больно, мучительно». «Но ведь и мне больно, мучительно... Кто сказал, что физическая боль нестерпимей душевной?..»

Все ее вещи остались на Бездорожной. Их нужно обязательно забрать, чтобы навсегда порвать с этим домом и его обитателями, чтобы ее нога никогда больше не ступала ни в эту столовую, вечно пахнущую горящим воском, ни в этот лунный снежный сад... У нее есть повод наведаться туда в последний раз, проститься... Придется что-то наплести Анастасии Никитичне. Ну и пускай. Все равно ей необходимо побывать там еще хотя бы раз...

В нежно-синьковых сумерках быстро спускавшегося вечера большой укутанный снегом дом с его матово светящимися сквозь наледи окнами показался ей недоступным. Она взялась за ручку входной двери с таким чувством, будто все случившееся минувшей ночью было лишь бредовым сном. Вот сейчас ее усадят за большой круглый стол под оранжевым абажуром, нальют обжигающе крепкого чая, засыплют вопросами, смешными, безобидными шутками.

Они на самом деле сидели за столом.

— Олюшка, а мы заждались тебя. Я уже и заволновалась, как бы что не случилось,— говорила Анастасия Никитична, доставая из буфета чашку с блюдцем.— Ты уж прости: снова пришлось Полю забрать, чтобы дом было на кого бросить. И печку подсыпет и чего-нибудь сварит.— Анастасия Никитична наливала из заварного чайника чай, и Ольга заметила, что ее руки дрожат сильнее прежнего.— Нам с Алешей теперь придется возле Томочки безотлучно дежурить, а у него в институте как раз сессия начинается. Так что дом совсем брошенный будет. Еще, не приведи господи, сгорит от печки. У Томочки плохое дело — боли сильные, и доктор сказал, кости у нее медленно срастаются. Хотя бы к весне встала. Вот горе-то!

Ольга уткнулась носом в свою чашку. Алеша сидел с ней рядом, ссутулившись и убрав глубоко под стол ноги. Она изо всех сил старалась не коснуться его широко отставленного локтя и от этого сдвинулась на самый краешек стула.

— А ты бледненькая какая,— заметила Анастасия Никитична.— И глаза ввалились, как после болезни. Ничего, ничего, отходим общими силами Томочку. Правда, Алеша?

Он что-то буркнул и резко повел рукой, расплескав по скатерти свой чай. Поля заковыляла к печке за тряпкой.

Молчание было тягостным. Все это время в Ольге боролась жалость к Тамаре с жалостью к самой себе, и когда последняя брала верх, ей на глаза навертывались горячие слезы обиды, и она спешила сглотнуть их вместе с чаем. «Я тоже, тоже могу обидеть,— мысленно обращалась она к Алеше.— И сейчас я сделаю тебе очень больно. Еще больней, чем ты мне сделал. Вот сейчас...»

— Анастасия Никитична, я очень вам за все благодарна, слов даже нет. Ваш дом стал для меня родным, но... завтра Коля приезжает, а мы условились, что я сразу, как он приедет, переберусь к нему. Я сегодня решила это сделать — завтра, и послезавтра, да и вся неделя будут у меня тяжелыми...

— Олюшка, родная, я очень за вас рада. Наконец-то.— Анастасия Никитична всхлипнула.— Я к тебе привязалась, как к дочке, скучать буду, ей-богу. Уж ты нас не забывай...— Она уткнулась лицом в свой старенький, застиранный фартук.— Вот ведь как на Руси: радость всегда рядом с бедой ходят, как родные сестры,— говорила она, утирая обильные старческие слезы.— Только куда же ты на ночь глядючи? Может, до завтра отложишь с переездом?

— Нет, нет, я сейчас быстренько уложусь, а там выйду на шоссе и такси подхвачу.

Она бросилась в свою комнату, боясь поддаться уговорам Анастасии Никитичны, вытащила из-под кровати чемодан, который почему-то так и не разобрала — лишь вынула два платья и длинную юбку, в которой отплясывала на ноябрьские праздники. Это было давно и, как говорили в их студенческой среде, неправда. Ее глаза были совершенно сухими, даже горели от этой чрезмерной сухости, в груди застрял отвратительный ребристый ком. Она запихивала в портфель книги, когда наткнулась на лезвие бритвы, оставленное еще со студенческой поры. Носовой платок, которым она обмотала пораненный палец, быстро пропитался кровяным багрянцем, и она вышла промыть и перевязать ранку.

Поля испуганно метнулась от раковины с визгом: «Кровь! Кровь! Там кровь!»— Алеша вскочил, опрокинув стул, и бросился к Ольге.

«Какое у него лицо — как у актера-трагика,— мелькнуло в ее сознании.— Небось, испугался, что я могу что-нибудь с собой сделать. Шутишь. Я человек вполне современный»,— как-то уж больно злорадно подумала она.

— Дай мне кусочек бинта,— попросила Ольга Алешу, чувствуя, что этот противный ком уперся ей в грудь еще более острым ребром.— Как говорится, все до свадьбы заживет. Ведь и рана-то пустяковая...

Ольга собралась в эту командировку неожиданно: Саше Березовскому поручили написать очерк о старой народной сказительнице Акулине Селивановой, а он вдруг свалился с вирусным гриппом. Старик Большаков, узнав про это, только руками развел. «Что ж, напишем в следующий юбилей, если доживет бабка»,— сказал он.

И тут вызвалась Ольга.

Коля сперва не хотел подписывать командировку.

— Ты не представляешь себе, какая это даль: четыре часа на пригородном поезде, потом на двух автобусах и еще полем версты три по раскисшей глине. Не бог весть какой важный материал, чтобы переносить из-за него такие лишения. Тебе тем более.

— По-моему, он важней, чем ты думаешь,— возразила она.— Уже не так много осталось в живых людей, знающих и любящих наш язык и народный быт не по книгам и по телевизору, а от природы.

— Ну, ты, как всегда, идеализируешь. Интересная старуха, ничего не скажешь, но, прости меня, кому это нужно в наш век? Тем более что на носу посевная, тут надо трубить во все трубы о готовности сельхозтехники к страде, о бережливом расходе кормов, а ваш отдел сказочками тешится.

Конечно, он подписал удостоверение и даже пошутил по поводу того, что у нынешних молодых людей шило в одном месте, оттого и придумывают себе всякие важные дела...

...«Много воды с тех пор утекло, а может, не так уж и много — поди узнай,— только была у здешнего кузнеца жена горбатая, с которой прожил он по правде без малого десять лет,— рассказывала Акулина Фоминична.— В одно лето жаркое влюбился во время сенокоса в девушку из соседнего хутора. С первого взгляда влюбился. Увидел — так и обмер. А она по нему своими глазюками зелеными стрельнула и тоже словно обожглась. Ведь люди глазами друг в дружку влюбляются. Такое один другому глазами говорят, чего словами не скажешь. Здесь же, в степи, они и свою первую ночку справили, не стыдясь ни звезд июньских, ни ветра низового, ни языка людского. До горбуньи раньше весть дошла, чем зорька ясная взошла. Заметалась она, забегала по саду, весь чисто подол в росе вымочила. Кинулась на полати, где прошлогодние початки кукурузы по крюкам висели, в петлю свою скособоченную головушку засунула, да тут соседка, учуямши недоброе, как раз подоспела и по веревке ножиком полоснула. Сказывают, долго ругалася на соседку горбунья за то, что та смерти ее лишила, покеда муж не подоспел. На колени перед ней бухнулся, святым образом поклялся, что не притронется боле к своей молодой зазнобе. Так слово свое и держал. Виделись они с той поры издалька: возле парома, на огородах, когда приспело время картошку копать, еще по праздникам престольным во храме. Да ведь сухая любовь, она только крушит. Заосеняло, пути-дорожки дождиком поразмыло, хутор с хутором бездорожьем разделило. Не видятся они боле. Да только сердце сердцу весть подает, сердце сердце чует. Ни сна, ни покоя не ведает кузнец. Весь высох, ну, чисто ковыль степной на ветру. Как-то утром вышел на баз корове сена дать, видит, земля крепким морозцем взялась, а значится, и речка, что промеж двух хуторов, ледком успела покрыться. Перескакал с ледины на ледину, три раза по пояс в холодную воду окунался, а когда на тот берег выбрался, видит, на погост покойничка несут. «К добру,— думает,— покойничка встретить в пути. Толечко мне добра никакого не надо, кроме Дунюшки моей. Посмотрю на нее хотя бы одним глазком и до дому вернусь». Посмотрел, насмотрелся вдоволь, уж будьте спокойны. Лежала она во гробе спокойная и с лица красивая, чисто ангел небесный. Домой кузнец воротился, с кулаками на горбунью набросился. «Ты,—говорит,—мою Дунюшку дорогую сгубила. Жили бы мы с ней, горя не ведали, кабы ты в то утро в петлю не полезла!» А она ему: «Я ж как вам лучше желала. Разве ж виновна я, что Евфросинья по веревке ножиком чикнула?!..»

Окончание следует.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. СЕМАКИНА

Земля Прикамья бедная, и нужно много вложить в нее труда, чтобы вырастить хлеб. Не отсюда ли упорство характера лирического героя стихов Владимира Семакина, родившегося на этой земле и всю жизнь посвящающего ей свои проникновенные строки. Он начал писать стихи еще до войны — с 1938 года. Война прервала учебу в педагогическом институте, и с осени 1942 года он работал сначала на строительстве новых цехов машиностроительного завода, а затем был рабочим одного из заводов Наркомата вооружения. В это время он часто выступал с чтением стихов в госпиталях, печатался в заводской многотиражке, делал стихотворные подписи к плакатам военного времени. В 1953—1958 годах учился в Литературном институте имени А. М. Горького. В 1949 году вышла его первая книга. В ней уже ощущается свой взгляд на мир. С одной стороны, В. Семакину была родной прикамская природа — мир цветов, трав, деревьев стал изначально частью его мироощущения, поэту не надо было искать его, обращаться к нему извне. С другой стороны, городская жизнь дала ему новые впечатления. «Завязь» мироощущения художника уже можно видеть в таких строках первой книги: «пестры чешуйчатые блики, стальная стружка тут и там сплетеньем цепкой повилики покорно падает к ногам». Мир природы и городской жизни соединились в сознании поэта неразрывно, и один мир не противоречит другому.

Зрелым мастером, каким мы его знаем сейчас, Семакин предстает перед нами, когда мы читаем стихи таких позднее вышедших книг, как «Перекаты», «Поднимаются травы», «Лирика», «Лен колоколится», итоговых книг «Краснолесье», «Под голубым среди зеленого». Природа в его стихах чаще скромна и трудолюбива, иногда гневна и неуступчива. Воспевая природу, поэт раскрывает черты нашего народного характера. Многие из его стихов социальны. В них есть и обобщение и гражданская позиция, никогда не сводящаяся к риторике.

Богат язык поэзии Владимира Семакина. Знание устной народной речи сослужило ему добрую службу. В словаре поэта можно встретить и слова, малоупотребительные в сегодняшнем языке, и диалектизмы. Эти слова органично вплетаются в ткань стиха, не выглядят чужеродными. Разумеется, само наличие их в стихе не самоцель, он берет из народной речи то, что ему близко по духу. Читая стихи Семакина, ощущаешь близость его поэзии к фольклору, которая часто проявляется в слове, а иногда и в построении фразы.

Много сделал В. Семакин как переводчик. Он перевел на русский язык стихи Д. Майорова, Ашальчи Оки, И. Дядюкова, М. Петрова, С. Широбокова, Т. Шмакова и других авторов.

Владимиру Семакину исполнилось шестьдесят лет. Позади большой творческий путь. Верится, что поэт еще не раз подарит нам строки, полные глубокого, трепетного чувства.

Александр БУЛАВИН

ТЕБЕ УЛЫБНУТСЯ ЦВЕТЫ

Владимир СЕМАКИН

* * *

Когда это было с тобою?
Конечно же, в юности ранней —
и небо, насквозь голубое,
и рой самолучших желаний.
Наивный, без тени печали
я еду с отцом в тарантасе.
Каникулы — в самом начале,
и чуть ли не вечность в запасе.
Едва только почата юность,
надломлена с краешку только.
На третьей неделе июня
тепла понахлынуло столько!
Назначено тайно свиданье
с такой же смущенной и юной...
А что там, за раннею ранью,—
не спросишь у ночи канунной.
Все так не ко времени это,
жестоко и горько донельзя.
Пожухнут и юность и лето
от уймы чужого железа.
И стоны — немыслимо скоро,
а вечны — одни только боги...
Вон — сосны горят меднокоро,
казалось бы, в явной тревоге.
Но кто в эти краски вглядится,
чтоб вызнать недоброе взглядом?
Две тысячи верст до границы.
Но если там бой,
это рядом.

* * *

Не жаль ни зеленых, ни зрелых
мне жизнью отпущенных лет,
вершилось бы доброе дело,
а худо сходило на нет.
Не жаль непомерных усилий,
свершались бы наши дела,
чтоб свет ликовал над Россией,
чтоб Родина вечно цвела!

* * *

Весной, только выйдешь из дому,
тебе улыбнутся цветы,
и можешь кому-то другому
не меньше понравиться ты.
Но в дальних лугах за рекою
и там, на тропинке лесной,
ни с кем ты не будешь такою,
какой ты бываешь со мной.
Пускай кто-то с белой сиренью
пройдет по ступенькам крутым
и даже пускай на мгновенье
покажется самым родным,
пускай приворотными, что ли,
окажутся чьи-то слова —
и это от них поневоле
вскружится твоя голова,—
но ты ни в лугах за рекою,
ни в поле, ни в чаще лесной
ни с кем уж не будешь такою,
какой ты бываешь со мной.

* * *

Родные места, дорогие названья...
Озера за Камой, пруды на Вале́...
В день радостной встречи
и в час расставанья
за все благодарен я этой земле:
за терпкую сладость гречишного меда —
намазал на хлеб — и забыл про обед,
за детство, весной незабвенного года
бежавшее полем за трактором вслед,
за воздух, пропахший смолою и мятой,
за вкрадчивый шелест прибрежной ольхи,
за глушь, где во мне шевельнулись когда-то
и вслух о себе заявили стихи,
за то, что разымчиво русское слово,
веселье ли в нем или отзвук беды,
за голый пустырь у пруда заводского,
где сам я садил молодые сады,
за ветер, что каждую ветку голубит,
за дождь, что не может пройти стороной,
за девушку, ту, что меня не разлюбит,
когда бы и что б ни случилось со мной,
за то, что не гаснут мечты и желанья,
как жаркие угли в горячей золе,—
в день радостной встречи
и в час расставанья
за все благодарен я этой земле!

РАСПЛАТА

М. ФУРМАН,
кандидат медицинских наук

Это случилось на шоссе Москва — Горький. В ясный, солнечный день, около 16 часов. В материалах дела происшествие описано так: «23 марта на 337-м километре шоссе Москва — Горький произошла автоавария в результате столкновения автомашин ВАЗ-2101, следовавшей в сторону Горького, и КамАЗа под управлением водителя Сванадзе, следовавшего в сторону Москвы. Установлено, что автомашина ВАЗ-2101 при скорости около 90 километров в час неожиданно выехала на встречную полосу движения, где и произошло столкновение ее с левой передней частью КамАЗа. От удара граждан Сидорова, Гладкова и Щетинина выбросило из салона на землю, а гражданин Чайка остался в машине на месте пассажира переднего сиденья. Сидоров погиб, остальные получили различные телесные повреждения. Пассажир Чайка достоверных показаний по факту аварии не дал, а Гладков пояснил, что, как ему кажется, за рулем сидел Владимир Сидоров. Владелец автомашины Александр Щетинин о происшедшем рассказать ничего не мог. В ходе расследования возникло предположение, что за рулем мог находиться владелец автомашины Щетинин...»

Смотрю на фотографии с места происшествия. Снимки сделаны с разных точек и, разложенные в определенной последовательности, дают отчетливое представление о происшедшей трагедии.

...Вот широкое шоссе, КамАЗ на переднем плане, вдали, метрах в двухстах, в кювете видны задние колеса «Жигулей» и багажный отсек. Вот смятый передний бампер грузовика слева, смятое левое крыло. На левой боковой поверхности автоприцепа огромное бесформенное пятно — след от удара уже не управляемой автомашины о прицеп. На последующих снимках изуродованные «Жигули» и тело Сидорова в нескольких метрах от передних колес автомашины.

Приведу еще одну фразу из материалов дела: «Все четверо были в сильной степени алкогольного опьянения, и оставшиеся в живых достоверных показаний по факту аварии не дали...»

В результате судебно-химического исследования было установлено, что концентрация этилового алкоголя в крови у каждого участника аварии колебалась от 2,5 промилле до 3,3 промилле, иными словами, все — и водитель и пассажиры — были вдрызг пьяны.

Медики знают, что 0,3 промилле алкоголя в крови водителя значительно ухудшают его реакцию, 0,6 — резко снижают способность оценивать дорожные ситуации, 0,8 промилле в семь раз увеличивают вероятность катастроф. При концентрации же алкоголя в 1—1,5 промилле возможность аварий повышается почти в 30 раз!

Но вернемся на Горьковское шоссе. Вот какие показания дал вскоре после аварии протрезвевший владелец «Жигулей» Александр Щетинин: «...23 марта я взял автомашину из гаража, по дороге встретил своего родственника Чайку. Потом мы заехали за Гладковым. Пили много, вино покупал Гладков, да и у меня была бутылка водки. Помнится, у кого-то был спирт. Как у нас в машине оказался Сидоров, сказать не могу, не помню. Потом я уснул, и как произошла авария, сказать не могу. Как попал в больницу, не знаю. В прошлом году ГАИ отобрала у меня водительские права за управление автомашиной в нетрезвом состоянии. Я был лишен прав на два года, но 23-го все-таки сел за руль...»

Перелистываю несколько страниц и вижу характеристику: «А. Щетинин работает в тресте «Спецстрой» с сентября 1979 года вначале слесарем, а с октября 1980 года избран секретарем комитета ВЛКСМ. Женат. Зарекомендовал себя энергичным, инициативным и исполнительным работником. Пользуется доверием и уважением товарищей по работе. Проводит большую работу по активизации деятельности комсомольской организации, поиску новых форм работы. Постоянно повышает свой политический и экономический уровень...»

И вот тут самое время поразмышлять о пригодности человека к тому или иному труду, в данном случае к праву вождения автомашины. На примере Щетинина видно, что даже лишение водительских прав на длительный срок часто оказывается безрезультатным. Мне кажется, дело тут и в личных качествах человека, в его психологической устойчивости.

Действительно, после придирчивого медицинского осмотра врачи могут быть уверены в полном здоровье водителя. Можно проверить быстроту его реакции, знание правил вождения и оценку им той или иной дорожной ситуации. Но как убедиться в том, что за рулем и в дальнейшем будет находиться трезвый человек?

«Сегодня несчастный случай на транспорте принадлежит к распространеннейшей причине насильственной смерти. Современный автомобиль обладает большой механической энергией,— пишет известный публицист из ГДР Г. Пфайфер.— Чтобы управлять им, требуются не только технические знания, но и высокая степень ответственности. Манера поведения человека в условиях уличного движения позволяет судить о его личности в целом. Она может быть классифицирована по широкому диапазону — от проявления дисциплинированности и уважения к общественным нормам поведения до безудержного эгоизма и беспощадной агрессивности».

Как-то в пестрой рубрике «Зарубежная мозаика» я встретил следующее сообщение: «Тридцатилетний шотландец Вильям Роррисон уже много лет добивается разрешения на управление автомобилем, но выдачу прав отодвигают каждый раз на новый срок. Причина: Роррисон уже пятнадцать раз побывал в полицейских участках за появление в нетрезвом виде, и после каждого задержания суд устанавливает Роррисону новый испытательный срок. Общая сумма испытания достигла шестидесяти трех лет. Если Роррисон бросит пить, он получит права на вождение где-то в 2035 году»...

Трое оставшихся в живых утверждали, что за рулем находился погибший Сидоров. Но можно ли верить показаниям людей, которые в момент аварии были в невменяемом состоянии? Из заключения районного судебно-медицинского эксперта следовало, что водителем в момент аварии был владелец «Жигулей» Щетинин, тогда как Сидоров находился на месте пассажира переднего сиденья. Таким образом, возникли противоречия между свидетельскими показаниями и заключением экспертизы.

Одним из крупнейших специалистов нашей страны по вопросам автомобильной травмы является заведующий кафедрой судебной медицины Центрального института усовершенствования врачей А. А. Солохин. Когда было решено проконсультироваться по факту смерти Сидорова у профессора Солохина, Александр Анатольевич любезно согласился меня принять.

С материалами дела я выехал в Москву, Александр Анатольевич внимательно рассмотрел фотографии и, наконец, сказал:

— Я полагаю, в этом случае решить вопрос о местонахождении водителя и пассажиров можно лишь после детального осмотра автомашины. Съездите, осмотрите машину. Особое внимание обратите на повреждения салона, попытайтесь сопоставить их с ранениями потерпевших. Возможно, кое-что прояснится.

Ранним утром жаркого июльского дня вместе со следователем мы выехали в Дзержинск. Предварительно я созвонился с начальником Горьковского областного бюро судебно-медицинской экспертизы профессором Аделаидой Петровной Загрядской. Она посоветовала взять для осмотра машины опытного эксперта кандидата медицинских наук Н. И. Шинкарева, который, сам будучи опытным автолюбителем, хорошо разбирается во всех тонкостях автоаварий.

Александр Щетинин, оказавшийся довольно симпатичным молодым человеком, еще раз поведал свою печальную историю:

— Автомашину я купил незадолго до аварии, помогли родственники, друзья. К этому времени успел построить и кооперативный гараж, на все ушло около десяти тысяч. Половину этих денег еще предстоит отдать.

В гараже мы увидели разбитый автомобиль. Удар пришелся в левую передне-боковую часть машины. Будто гигантским молотом смяло бампер, капот, боковую стойку. Мы обмахнули густой слой пыли. С трудом открыли заклиненную переднюю дверцу, втиснулись в глубь салона. Под ногами хрустит битое стекло — все стекла в машине выбиты.

Районный судмедэксперт полагал, что Щетинин, у которого были легкие ушибы, находился на месте водителя, а Сидоров, получивший тяжелые повреждения, сидел рядом. Эксперт исходил из статистических данных, свидетельствующих о том, что при автокатастрофах больше всего достается пассажиру переднего сиденья, тогда как водитель отделывается, как правило, легкими ушибами, а если и получает травму, то преимущественно грудной клетки — удар о рулевое колесо.

В нашем случае повреждений грудной клетки у Сидорова не было. Рулевое колесо также в полной сохранности стояло на своем месте.

— Это оттого,— заметил Шинкарев,— что удар был направлен под углом. Поэтому у водителя разбита голова о стойку или ветровое стекло.

На пластмассовом щитке, напротив переднего сиденья, замечаем несколько пятен и потеков крови. Фотографируем их, наносим на заготовленную схему салона «Жигулей», а затем осторожно изымаем из машины весь щиток.

Месяц ушел на исследование вещественных доказательств, изъятых при осмотре. И лишь к началу осени пассажиры «Жигулей» были, наконец, рассажены по своим местам. Экспертизой было окончательно установлено, что машиной в момент столкновения действительно управлял покойный Сидоров. Он не справился с управлением, выехал на соседнюю полосу и буквально врезался в шедший навстречу КамАЗ.

По данным А. А. Солохина, до 30 процентов автопроисшествий бывает при столкновениях автомашин, 30 процентов приходится на удары машин о неподвижные предметы, около 20 процентов — катастрофы при падениях в кювет, с насыпи, с моста.

Специальные источники утверждают, что наезд на препятствие со скоростью около 75 километров в час соответствует падению автомашины с высоты 125 метров, водитель и пассажиры при этом устремляются вперед с силой примерно в четыре тонны!

Как-то в печати промелькнуло сообщение о том, что на Западе стал модным новый способ самоубийства: водитель садится в машину, разгоняет ее и на огромной скорости врезается в препятствие или встречный автомобиль. Но чем отличаются такие водители, как, например, Сидоров и подобные ему, полные сил и энергии молодые люди, от западных автокамикадзе?

СКУЛЬПТОР АКОП ГЮРДЖЯН

Ашот АРЗУМАНЯН

Далеко от родины протекали годы становления и зрелости скульптора Акопа Гюрджяна. Он родился 5 декабря 1881 года в городе Шуше — в центре одного из красивейших уголков Армении, Нагорного Карабаха. Неприступные, величественные горы, быстро меняющиеся краски природы, обитающие в лесах животные неизменно манили к себе влюбленного в природу мечтателя. Мальчик увлекался лепкой животных и зверьков. Вскоре у него образовался небольшой «зоопарк».

Ко времени занятий Акопа в местном реальном училище в Шушу из Парижа вернулся окончивший французскую академию Жюльена мастер портрета Степан Агаджанян. При первых же беседах с одаренным юношей художник горячо поддержал его стремление посвятить себя искусству.

Семнадцати лет Акоп Гюрджян едет в Москву, продолжает занятия в реальном училище и одновременно посещает мастерскую скульптора Паоло Трубецкого. С 1907 по 1909 год он учится в академии Жюльена. Новые тенденции в искусстве, которые наметились к этому времени, были по душе молодому человеку из далекой Шуши. Самостоятельность, профессионализм, экспрессия, живое восприятие модели Гюрджяна отмечали некоторые видные представители французского искусства, такие, например, как скульптор Поль Ландовский.

Молодой художник, получив прекрасное профессиональное образование, смело вступает на трудный путь самостоятельного творчества. Первые же его работы говорят о появлении самобытного таланта, умеющего проникнуть во внутренний мир людей. С тактом и любовью скульптор передает в мраморе умный взгляд и сдержанный темперамент Рахманинова. А сколько романтичности и вдохновения в женственном, утонченном портрете Маргариты Ширванзаде! Словно ушедшим в музыку смотрится портрет пианиста Добровейна...

Скульптору удавалось чисто пластическими средствами вдохнуть камню жизнь, мысль и чувства.

Когда Гюрджян приступил к созданию образа Льва Толстого в мраморе, он блестяще владел любым материалом, смело пользовался всеми возможностями его фактуры. Диапазон фантазии художника был велик и разнообразен. Он был врагом всякой манерности в искусстве, постоянно искал новые средства, новый язык, новый стиль, подсказываемый самой натурой.

Работа над портретом Л. Толстого началась, когда Гюрджян узнал о кончине своего любимого писателя и решил увековечить память гения. В мраморной глыбе проработана только голова писателя, она наклонена вправо и вниз. Скульптору удалось решить сложнейшую задачу игры светотени не в ущерб объемности изваяния.

Впоследствии мастер напишет: «Спасибо Толстому. Четыре года моей жизни не прошли даром. Роль вдохновения — первостепенна. Это чувство владело моим резцом».

Этот мраморный бюст Л. Толстого по завещанию художника был передан Парижу в благодарность за теплый прием беженцев-армян на французской земле. Выступая на торжественном открытии памятника в одном из скверов столицы Франции, Андре Моруа сказал:

«Годы назад впервые в истории Парижа, как исключение, на площади Альма был воздвигнут памятник польскому писателю Сенкевичу. Сегодня, 25 мая 1955 года, когда наша столица в зеленом убранстве, мы открываем памятник второму иностранцу — Льву Толстому, выполненный тоже иностранцем, парижанином, ныне покойным, талантливым скульптором Акопом Гюрджяном. Пусть это прекрасное изваяние великому писателю России станет символом дружбы наших народов».

...Для меня Акоп Гюрджян больше чем скульптор. Сильнее всего подкупает меня его любовь к родине. Почти все уцелевшее творческое наследие художника находится в ереванской картинной галерее. И лишь отдельные работы — в музеях Европы. Гюрджян никогда не был богатым, знал нужду и неудачи. Все в его жизни было. Но богатым душой он оставался неизменно.

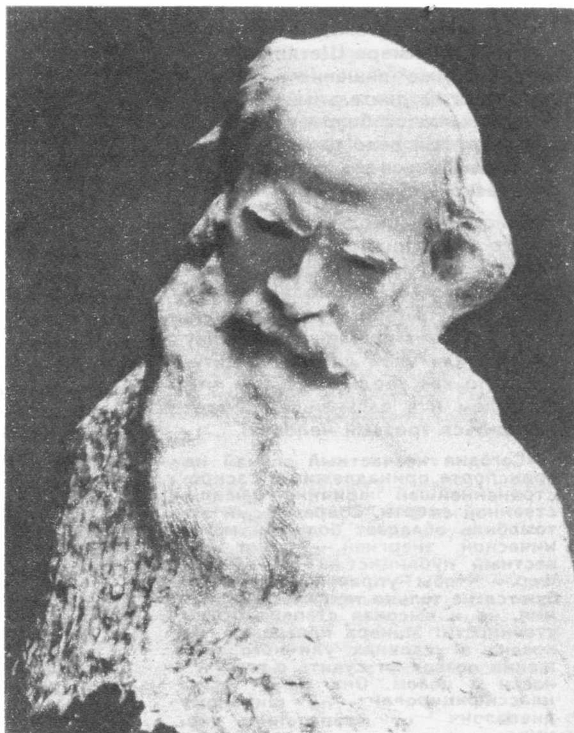
В начале своих исканий молодой скульптор подвергался различным влияниям. Посещал мастерскую Родена, знал Бурделя, Майоля. Участвовал в выставках армянских и русских художников, его работы пользовались успехом в Париже, Брюсселе, Белграде, Праге. Но он видел, как приехавшие в начале века художники, не устояв, растворялись в могучей струе французского искусства. И несмотря на то, что с Парижем связана почти вся его художественная деятельность, сумел сохранить национальную самобытность. Именно поэтому искусствовед Дени Рош писал: «Он похож на античных скульпторов восточного происхождения, какие, несомненно, были в мастерских Древней Греции, они были связаны далеким атавизмом с древним искусством Азии и Египта». А критик Луи Вонсель добавлял: «Атавизм сливается в нем с влиянием Запада». «Будучи армянином, Гюрджян принадлежит к древней ветви и знаком с богатством и роскошью восточного искусства»,— заявлял Гюстав Кан.

Всем своим существом художник был связан с культурой своего народа. Достаточно вспомнить созданные им портреты художников Е. Татевосяна, М. Сарьяна, Г. Якулова, романиста А. Ширванзаде, известного деятеля армянской культуры А. Чобаняна, чтобы почувствовать, как утолял свою тоску по Шуше, по своим соотечественникам этот богато одаренный, широкой души человек. У него были дружественные отношения с многими представителями русской культуры — с Рахманиновым, Скрябиным, Шаляпиным, Луначарским, он пользовался дружбой и любовью М. Горького. В его художественном наследии портреты русских друзей занимают почетное место. Они свидетельствуют о большом таланте и большом сердце скульптора.

Мастерская Гюрджяна, которую он любовно называл «Шуша», находилась в предместье Парижа, в Булони. Здесь он вновь вернулся к работе над образом писателя-просветителя Хачатура Абовяна, идея создания которого волновала его еще в годы обучения в академии Жюльена.

Он ваяет бронзовую скульптуру «Бегство», показав в ней горькую судьбу беженцев-армян.

В скульптурной композиции «Пахота» с большой экспрессией изображает тяжкий труд в горах Арцаха крестьянина, идущего за сохой. Это едва ли не единственное произведение на подобную тему в дореволюционном армянском пластическом искусстве. К этой же теме он обращается и в барельефе «Армянские крестьяне».

Лев Толстой.

...Началась первая мировая война. В конце 1914 года художник выехал в Россию. В гостях у Горького в Мустамяках он увлеченно работал над его портретом.

В письме к Е. Пешковой 14 декабря 1914 года Горький пишет: «Талантливый человек. Голову мою он сделал отлично». По свидетельству Е. Пешковой, этот портрет Горький считал своим лучшим изображением в скульптуре.

После победы Великой Октябрьской революции в холодной и голодной Москве Гюрджян с невиданным вдохновением включается в работу по осуществлению монументальной пропаганды, постоянно помня слова Владимира Ильича о больших возможностях пластического искусства.

Своей идеей о создании памятника Марксу в Москве, на Театральной площади, неистовый Гюрджян поделился со скульпторами С. Алешиным и С. Кольцовым. Закипела работа. Шли недели, месяцы. Наконец настал день, когда макет памятника в виде многофигурной спиралеобразной композиции со статуей Маркса на вершине был закончен. По тем тяжелым временам разрухи и нужды сооружение такого памятника было делом весьма затруднительным.

«Памятник Марксу... по замыслу несомненно принадлежал к самым значительным произведениям монументальной пропаганды. В нем были выражены мощь революции, ее народное начало и ее духовный гений, олицетворенный в фигуре Маркса» — так написано об этой работе в «Истории русского искусства».

Враждебные Советской власти элементы в Париже узнали об активном сотрудничестве Акопа Гюрджяна с большевиками и учинили в его отсутствие в мастерской разгром. Это ускорило отъезд скульптора во Францию. В начале 1921 года расстроенный и больной Гюрджян прибыл в Париж. Его мастерская была превращена в кладбище разбитых вдребезги работ. Уцелели лишь некоторые из портретов в мраморе и бронзе.

Рана в душе кровоточила долго, но надо было как-то жить дальше. На память приходили слова Ромена Роллана: «Радость, бешенство радости — солнце, озаряющее все, что есть, и все, что будет,— божественная радость творчества! Все радости жизни в творчестве. Любовь, гений, труд — все это вспышки сил, вышедших из единого пламени... Творить — значит убивать смерть».

Недолго пребывал Гюрджян в тоске и бездействии. Человек волевой, мужественный, он быстро оправился от удара, с трудолюбием и вдохновением взялся за дело. В России он видел, с каким

упорством и энтузиазмом люди налаживают новую жизнь. Началась новая жизнь и для него — борьба за самоутверждение в богатом событиями Париже. Вновь засверкал талант скульптора. Забытое было имя вновь напомнило о себе.

Только ценой неустанного, вдохновенного труда удалось Акопу Гюрджяну найти свое место в европейском искусстве. Нелегко было вдали от родины, на чужой земле, сохранить самобытность, сиять собственным светом на ярком небосклоне звезд Франции.

Парижские газеты писали: «Акоп Гюрджян справедливо считается одним из самых значительных скульпторов современности... Он вечно эволюционирует, вечно ищет, и каждое его произведение — новый этап творчества, новое достижение». «Париж настолько привык к постоянному участию в салонах и выставках новых произведений Акопа Гюрджяна, что его смерть, последовавшая 28 декабря 1948 года, подействовала на нас как смерть земляка. Мы забыли о том, что он армянин, но разве мог он забыть свою страну!» — эти слова принадлежат французскому искусствоведу Максимилиану Готье, автору монографии об Акопе Гюрджяне, изданной в Париже.

После кончины Акопа Гюрджяна в 1948 году в его квартире жил его друг — профессор кинogрима Акоп Аракелян с женой Еленой Павловной.

Супруги много сделали для сохранения творческого наследия Гюрджяна и оформления многосложной процедуры отправки пятисот скульптур по завещанию мастера на родину — в Советскую Армению. Аракелянам большую помощь оказал Культурный союз армян Франции.

Я имел счастье десятилетиями дружить с Мартиросом Сарьяном, который создал и возглавил школу красочной армянской живописи, подарив миру оригинальные творения своей могучей кисти, воспевая природу и людей своей родины. Но кто же первый скульптор армянского народа? На этот вопрос никто не решался ответить.

Май 1982 года. К 100-летию со дня рождения Акопа Гюрджяна в залах Государственной картинной галереи Армении развернулась экспозиция творений скульптора. Впервые в полной мере его творческое наследие открылось взору многочисленных посетителей. Вот он, единодушно признанный первым, мастер пластики в армянском искусстве! Его гений, его вдохновение воплотились и застыли в бронзе, мраморе, базальте.

Подлинное искусство любимо всеми народами. Произведения Гюрджяна экспонировались вместе с шедеврами французской скульптуры и живописи в Японии, Швеции, в Советском Союзе, в Соединенных Штатах Америки и в других странах. Его имя ставят рядом с именами таких крупнейших мастеров, как Бурдель, Майоль, Гоген, Ван Гог, Матисс, Пикассо.

...Я хожу по залам Государственной картинной галереи Армении и, восхищаясь творчеством Акопа Гюрджяна, думаю, что истинный художник интернационален. Именно поэтому я ставлю его имя рядом с именем Мартироса Сарьяна. Да, я полюбил его творчество потому, что оно заражает своим духом, новаторством, умением открывать новые горизонты.

ДЕЛОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ

В один из недавних дней Центральное телевидение показало сразу две премьеры; два фильма, в которых главный герой, как принято теперь говорить, деловая женщина.

В ленте «Без году неделя» Настя Филимонова пока только вступает в самостоятельную жизнь, решительно, активно, целеустремленно. А Вера Сергеевна Колосова из картины «Год активного солнца» уже многого добилась, занимает ответственный пост заместителя председателя горисполкома.

В тот час, когда мы встречаемся с ними, у них разные проблемы, но вызваны одним — работой и связаны с самоутверждением; у Насти — в выбранной профессии, у Веры Сергеевны — в качестве жены и матери.

Окончив речное училище, Настя стремится к заветной мечте — в плавание, водить по Днепру корабли, и добивается назначения на теплоход «Славутич» вторым помощником капитана. С виду почти совсем подросток, маленькая, круглолицая, с белокурыми завитками волос, с ясными, внимательными глазами. Молодая актриса М. Сергеечева, исполняющая эту роль, пока еще учится в Ленинградском институте театра, музыки и кино, но образ отважной девушки лепит уверенно и спокойно, не сомневаясь в ее правоте, во внутренних потенциальных возможностях. «Лишь сильным покоряется река»,— поют ребята из созданного Настей ансамбля, и каждым своим поступком она утверждает эти слова.

«Без году неделя» (сценарий В. Черевкова и Р. Фурмана, постановка Н. Засеева, производство киностудии имени А. Довженко по заказу Гостелерадио) — комедия положений, легкая, веселая, доброжелательная. Все в ней складывается довольно просто, и счастливый конец угадывается с самого начала. Несмотря на некоторые небольшие неприятности — поначалу непризнание команды, несправедливые обвинения капитана Яруги — все благополучно обходится. Молодые члены экипажа быстро признают Настю, и даже старый недоверчивый Яруга оказывается на поверку «добрым дедом». В исполнении Н. Крючкова он и не может быть иным: есть в этом актере огромный положительный заряд, который особенно чувствуется в образах, созданных им в последние годы,— за внешней суровостью его героев всегда проглядывает сердечность.

Симпатичен в фильме характер Насти, ее преданность любимому делу, добросовестность и одновременно мягкость, умение держаться просто, с достоинством. Она выбирает для себя нелегкий путь, и мы радуемся за нее, понимая, что иначе она не может быть счастлива.

В судьбе Веры Сергеевны Колосовой, героини ленты «Год активного солнца», как бы продолжение пути, который начинает Настя, но с иным, грустным финалом. Сначала талантливая учительница, затем заведующая гороно, теперь — ответственный работник горсовета. Натура волевая и энергичная, женщина, следящая за своей внешностью,— такой предстает она в исполнении Р. Нифонтовой. Любимая работа, положение в обществе, считавшаяся хорошей семья... Но благополучие и успехи неожиданно оборачиваются драмой. Прожита большая жизнь, и вот впервые ей по-настоящему приходится задуматься о взаимоотношениях в своей семье, где все казалось таким прочным и устоявшимся. Она вдруг увидела, что дочь от нее далека, а муж готов был ее бросить. За напряженными служебными делами, ставшими основой существования, Колосова не заметила разлада, который складывался годами. Ослепленная своим общественным авторитетом, она подавляет близких ей людей, разрушает их души. Дочь признается, как ребенком тосковала без нее, всегда занятой, спешащей. «Мне тебя так остро не хватало...» А потом притерпелась, стала обходиться без участия матери в главном — в отношении к миру.

Что это — душевная холодность, равнодушие, отсутствие чуткости? Все кажется не очень достоверным — не в стерильной же атмосфере прошли предыдущие годы... Да и способен ли человек, не чувствующий сердцем своих близких, остро ощущать заботы и нужды других? А ведь Колосовой приходится иметь дело с сотнями людей, и во многом их благо зависит от ее решений. Но сослуживцев героиня знает лучше, чем дочь, мужа, зятя...

В фильме мы видим, как уплотнен, насыщен рабочий день Веры Сергеевны, как самоотверженно она трудится, с каким пониманием, умудренная жизненным опытом, вникает в дела. И в то же время сопротивляется назначению мужа — директора школы — на пост заведующего гороно. Не из ложной скромности, просто не увидела в нем тех прекрасных качеств, которые очевидны его коллегам.

Образ неоднозначный и вызывает противоречивую реакцию: Колосова привлекает деловыми свойствами, искренностью, принципиальностью и отпугивает холодной замкнутостью, подчас безапелляционной жесткостью суждений.

Только теперь задумывается она об извечном назначении женщины — быть хранительницей домашнего очага. В какой-то момент, упущенный ею, из дома ушли тепло и радость, а это не могут компенсировать никакие деловые достоинства.

Вера Сергеевна спохватилась довольно поздно. И все-таки мы верим: она так умна, сильна, что еще многое может изменить и вернуть.

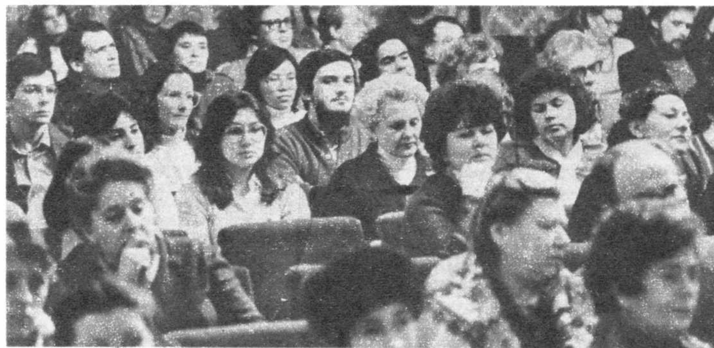
По сюжету картины мы знакомимся с ее подругой Лидией (Л. Лужина), жизнь которой сложилась совсем иначе: только семья, дети, муж — военный. Гарнизонная жизнь обособлена, и не случилось ей заниматься наукой, как хотелось в юности. Зато дом ее — с пирогами, улыбками, с трогательной и нежной любовью, с красивыми старинными романсами — в нем всем уютно. Но и Лидия, встретившись с Колосовой, плачет: не все сбылось так, как было задумано: не довелось ей узнать радость творчества.

Обе подруги счастливы и несчастливы по-своему. Оглядываясь на пройденное, они оценивают удачи и потери. Все-таки не может современная женщина испытать полноту счастья, если не занимается любимым делом. Не случайно летчик-испытатель Марина Попович в одном из фильмов серии «Правда великого народа», которую продолжает показывать Центральное телевидение, отвечая на вопрос, в каком соотношении, на ее взгляд, находятся труд и счастье, ответила: если идти на работу, как на праздник, то это бо́льшая половина счастья.

Проблема, думается, в соблюдении равновесия всех слагаемых. Создав эту ленту и заведя разговор о Колосовой, авторы (сценарий Г. Губачевой по мотивам одноименного романа М. Глушко, режиссер Н. Збандут, творческое объединение «Экран») невольно оставляют вопросы для размышления зрителям. И о них хотелось бы узнать.

О. НЕМИРОВСКАЯ

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

2 декабря в Московском Доме журналиста состоялась очередная встреча редакции и авторского актива «Огонька» с читателями. С интересом встретили собравшиеся рассказ международного обозревателя «Известий» М. М. Ильинского о поездках по странам Индокитая. Главный художник журнала И. Долгополов поделился планами редакции на 1983 год в области популяризации изобразительного искусства.

Об уникальной находке пушкинских документов в Тбилиси рассказал журналист Ф. Медведев.

Поэты, постоянные авторы «Огонька» — А. Преловский, Л. Щипахина, Л. Васильева, Е. Антошкин, читали свои стихи. Встречу вел главный редактор «Огонька» А. Софронов.

Завершился вечер выступлением молодого композитора А. Богданова из города Горького.

Во встрече приняли участие член редколлегии редактор отдела науки В. В. Белецкая, заведующий отделом критики и библиографии В. П. Енишерлов, заведующая отделом массовой работы и писем В. М. Морозова.

Фото Г. Розова

Выступает Мария Мордасова.

СИМВОЛ ДРУЖБЫ

На Выставке достижений народного хозяйства СССР ярко и торжественно прошли Дни РСФСР. В рамках этого события состоялся показ эстрадной программы «Мелодии дружбы», посвященной 60-летию образования СССР. Во Дворце культуры АЗЛК и в столичном киноконцертном зале «Октябрь», где выступали артисты, музыканты, поэты, звучали произведения представителей народов Российской Федерации, народов Советского Союза.

Тепло встретили зрители популярных исполнителей — народную артистку Удмуртской АССР Маргариту Суворову и народную артистку РСФСР Зинаиду Кириенко, заслуженную артистку Украинской ССР Тамару Миансарову, коллектив концертного ансамбля электромузыкальных инструментов Центрального телевидения и Всесоюзного радио (дирижер — заслуженный артист РСФСР Вячеслав Мещерин), других участников концерта. Выступление народной артистки СССР Марии Мордасовой еще раз подтвердило самобытный талант певицы, ее непреходящую любовь к меткому слову фольклора, народной песне. Вместе с Мордасовой в гости к зрителям пришли и ее ученицы — Надежда и Вероника Костиковы, причем маленькая Вероника смело солировала, и ее храбрость была вознаграждена долгими аплодисментами. Народный поэт Кабардино-Балкарии Максим Геттуев передал привет от своего народа, процветающего в братской советской семье. Весьма символично прозвучали его стихи, названные поэтом «Родина» и «Тишина».

Эхом грозного времени военного лихолетья прозвучала «Партизанская песня» в прекрасном исполнении Александра Градского. Затем выступил композитор Сигизмунд Кац.

Работа, показанная Москонцертом, была по достоинству оценена публикой. Успеху способствовали мастерство выступавших и интересно подобранный репертуар. Режиссер-постановщик заслуженный артист Мордовской АССР Валентин Клюкин, который выступает и как исполнитель, представил программу, являющуюся цельной композицией. Она посвящена братской дружбе народов нашей страны.

М. КОРОТКОВ

Фото А. Бочинина

ГРАНИ ТРАГЕДИИ

Сцена из спектакля «Медея». В заглавной роли — А. Панахова.
Фото А. Кендарова

Премьерой спектакля «Медея» Азербайджанский академический драматический театр имени М. Азизбекова открыл свою малую сцену. Постановщик спектакля М. Фарзалибеков — режиссер молодой, ищущий. Бакинский зритель знаком с некоторыми его работами, поставленными по пьесам современных азербайджанских авторов И. Эфендиева, Анара, Н. Гасанзаде, а также по произведениям мировой классики. Обращение к «Медее» Ануйя еще раз свидетельствует о тяге режиссера к решению сложных творческих задач. Мы видим, как в емкой одноактной пьесе с небольшим количеством действующих лиц блестяще реализуются актерские дарования, достигается эффект сопереживания в камерных сценических условиях.

Трагедия человеческих чувств, мучительность людских взаимоотношений прежде всего волнуют режиссера и А. Панахову, с блеском исполняющую сложнейшую роль Медеи. Ее Медея вызывает глубокую жалость и сострадание, ибо на наших глазах происходит страшный процесс саморазрушения. Если бы нужно было одним словом определить причину глубокого потрясения, которое вызывает игра А. Панаховой, можно было бы ответить одним словом: искренность. Именно искренностью чувств, искренностью переживаний удается актрисе достичь такого сильного воздействия на зрителя. Панахова не обладает большим опытом исполнения трагических ролей, и тем выше цена победы молодой актрисы: она вложила в игру максимум усилий, максимум творческой энергии и профессионализма. А. Панахова с точностью передает глубину и сложность чувств Медеи, тончайшие нюансы ее переживаний, подчеркивая цельность натуры своей героини. Зритель верит, что эта «маленькая и нежная, чистая и требовательная девочка с детства мечтала, чтобы в мире всегда царствовали добро и свет». И вот эта мысль о добре и свете оказывается самой дорогой и самой личностной и для режиссера и для актрисы.

В спектакле нет ничего от ложного новаторства, каждая мизансцена, каждая деталь здесь служит точной фиксации мыслей и чувств, помогает целостному восприятию «Медеи». В репертуар малой сцены прочно вошел интересный, эмоционально насыщенный спектакль, который явился плодом талантливого творческого содружества, любви и преданности большому искусству.

Г. АЛИБЕКОВА

ПАМЯТИ САВВЫ БРОДСКОГО

Никто из людей не ведает, когда оборвется нить его жизни... И только сейчас думается, с каким упорством и рвением спешил закончить свою большую работу над «Гамлетом» и «Ромео и Джульеттой» художник Савва Бродский. Наконец рисунки были сданы в производство. Книга увидела свет. Тяжелая, в черном переплете. Развороты — метафоры, строгие, монументальные.

Сегодня его нет с нами. Больше никогда не придет он в редакцию — спокойный, улыбающийся, рассудительный. Не раскроет массивной папки, не вынет новые листы иллюстраций. После него остались десятки прекрасных изданий, которые он сотворил за неполные двадцать лет.

Бродский начинал серьезно работать над книгой в отделе литературных приложений к «Огоньку». Первые его рисунки были сделаны к семитомнику Стефана Цвейга, выпущенному издательством «Правда» в 1963 году. Так рядом с самыми известными мастерами появилось имя талантливого графика — Саввы Бродского. Его творчеству было присуще особое чувство ритма, архитектоники. Ведь он был по образованию архитектором, по его проектам возводились прекрасные здания. Но он предпочел изобразительное искусство... Его эрудированность, чувство стиля помогали глубже проникать в литературную ткань самых разных авторов. Читатель ярко ощущал эпоху и человека в его умных и остро скомпонованных листах. Сорок с лишним томов — более трехсот иллюстраций создал Бродский к «огоньковским» собраниям сочинений Александра Грина, Роберта Луиса Стивенсона, Гюстава Флобера, Ромена Роллана, Этель Лилиан Войнич, Ги де Мопассана. Это огромный труд, особо весомый, если учесть массовость изданий.

Немало энергии отдал художник работе в журнале. Романы, повести и рассказы как бы получали свою вторую жизнь во многих превосходных рисунках Бродского, удостоенных не раз ежегодной премии «Огонька».

«Спартак» Джованьоли, «Овод» Войнич, «Как закалялась сталь» Николая Островского. Героические романы-эпопеи нашли своего вдохновенного иллюстратора — Савву Бродского. Он любил книгу, тщательно работал над оформлением, макетом, и эти издания «Молодой гвардии» отличаются духом романтики и подвига, осмысленностью графического решения.

Наиболее фундаментально качества художника проявились в работе над «Дон Кихотом» Сервантеса, справедливо заслужившей широкое признание. За этот труд заслуженный деятель искусств РСФСР Савва Бродский был удостоен «Золотой ветви дружбы» на международной выставке «Книга-75» в Москве. На родине Сервантеса Савва Бродский был избран членом-корреспондентом испанской королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо в Мадриде.

Никогда не сотрется в памяти образ этого серьезного, вдумчивого человека. Жизнь его окончилась нелепо рано. Недуг пресек творчество художника в самом расцвете. Из рядов авторов «Огонька» ушел один из самых одаренных, талантливых советских мастеров — Савва Григорьевич Бродский.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

КРОССВОРД

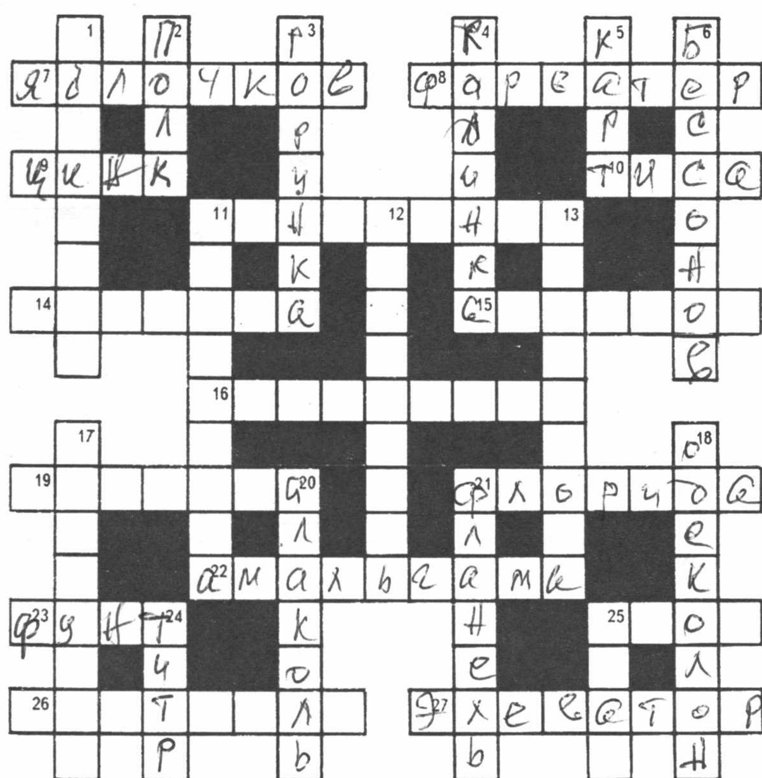
По горизонтали: 7. Русский электротехник, изобретатель. 8. Водный путь, безопасный для прохода судов. 9. Химический элемент, металл. 10. Приток Дуная. 11. Киноактер и режиссер, лауреат Ленинской премии. 14. Парнокопытное животное, обитающее в горной тайге. 15. Детский литературно-музыкальный журнал. 16. Керамические изделия. 19. Курорт в Литве. 21. Полуостров на юго-востоке Северной Америки. 22. Сплав ртути с другим металлом. 23. Русская мера веса. 25. Гора в Греции. 26. Северо-западный ветер на юге Франции. 27. Специально оборудованное сооружение для хранения зерна.

По вертикали: 1. Вулканическое стекло. 2. Воинская часть. 3. Рассказ М. А. Шолохова. 4. Народный танец. 5. Гоночный микролитражный автомобиль. 6. Персонаж романа Ю. В. Бондарева «Горячий снег». 11. Оправка для крепления сменных резцов на станках. 12. Областной центр в РСФСР. 13. Народная артистка СССР, балерина. 17. Советский писатель. 18. Парфюмерное средство. 20. Озеро в Казахстане. 21. Мягкая ткань с начесом. 24. Надпись в фильме. 25. Французский композитор XIX века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 7. Деканат. 8. Погодин. 9. Шапорин. 10. Утконос. 14. Скагеррак. 15. Сеанс. 17. Милан. 18. Косинусоида. 19. Контрафагот. 20. «Помни». 23. Авран. 26. Дарвинизм. 28. Жигарев. 29. «Охотник». 30. Полимер. 31. «Енблема».

По вертикали: 1. Беранже. 2. Балобан. 3. Хариус. 4. «Восток». 5. Городки. 6. Титовка. 11. Карикатура. 12. Дегустация. 13. Орфография. 16. Скобки. 17. Мальта. 21. Ортикон. 22. Негатив. 24. Вентиль. 25. Аксиома. 26. Дзерен. 27. Мухина.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Валентина Николаевна Голубева — Герой Социалистического Труда, ткачиха Ивановского камвольного комбината имени В. И. Ленина.

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зима пришла.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 22.11.82. Подписано к печати 7.12.82. А 07569. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2996. Заказ № 3390.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Марьинская больница, в которой работал врачом М. А. Достоевский.

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

АДРЕС ДЕТСТВА

Юрий ОСИПОВ

Фото М. САВИНА

Божедомка. Некогда нищая окраина Москвы. Ветхие, покосившиеся крыши, кладбищенские кресты, лес по сторонам проселочной дороги, которой гоняли арестантов и брели странники... Таков круг детских впечатлений Федора Михайловича Достоевского.

Он родился в служебном флигеле при Марьинской больнице для бедных, где работал врачом его отец, и провел здесь первые шестнадцать лет жизни.

«Отец наш... имевший в то время 4—5 человек детей, пользуясь штаб-офицерским чином, занимал квартиру, состоящую, собственно, из двух чистых комнат, кроме передней и кухни,— вспоминает младший брат писателя Андрей Михайлович.— В задней части... передней отделялось помощию дощатой столярной перегородки, не доходящей до потолка, полутемное помещение для детской. Далее следовал зал... Потом гостиная в два окна на улицу, от которой тоже столярною дощатою перегородкою отделялось полусветлое помещение для спальни родителей... Кухня... была расположена особо, через холодные чистые сени; в ней помещалась громадная русская печь и устроены полати; что же касается до кухонного очага с плитою, то об нем и помину не было! В холодных чистых сенях, частию под парадною лестницею, была расположена большая кладовая. Вот все помещение и удобства нашей квартиры!»

Обстановка ее также отличалась почти спартанской простотой. Клеевая краска стен: пе́рловая в передней и детской, канареечная в гостиной и темно-кобальтовая в спальне (бумажные обои тогда еще не вошли в употребление). Огромные голландские печи из так называемого ленточного изразца с синими каемками, непритязательный обеденный стол, стулья березового дерева «под светлою политурою» и диваны, любой из которых «мог служить двухспальной кроватью», так что никоим образом нельзя было облокотиться на их спинку, «а надо было всегда сидеть как с проглоченным аршином». Кроватями братьям служили, кроме того, сундуки в детской, сестрам — в спальне родителей (в последних, за неимением платяного шкафа, хранился весь гардероб матери). Ни портьер, ни гардин на окнах — их заменяли белые коленкоровые шторы без всяких украшений...

Казалось бы, несложно было воссоздать этот «нехитрый» интерьер. Но сколько любви, знаний и усилий потребовалось от сотрудников Государственного литературного музея, чтобы эти комнаты заговорили. Около двух лет продолжалась подготовка к открытию новой, мемориальной экспозиции и капитальный ремонт дома. Кропотливые научные изыскания специалистов легли в основу проекта восстановительных работ, которым занимались архитекторы института «Спецпроектреставрация» под руководством И. Сусловой.

Рядом трудились мастера объединения «Росреставрация». Им пришлось основательно взяться за фундамент — его разрушали грунтовые воды. Шаг за шагом открывались заложенные прежде некоторые дверные и оконные проемы, примыкающий к квартире старый больничный коридор. Словом, флигель обретал свою первоначальную планировку. По крупицам собирался и интерьер: вновь заблестели кафелем большие голландские печи, прихожую разделила деревянная перегородка, пол покрылся широкими сосновыми досками...

На пути художников-реставраторов и их «смежников» случались волнующие открытия. Так, обследуя одну из комнат, они обнаружили чудом уцелевшую подлинную дверь того времени, которая послужила прообразом для изготовления всех остальных. Воспоминания брата Федора Михайловича помогли определить точные колеры стен в каждом из помещений квартиры. Бригада виртуозов-умельцев мастерской № 2 треста «Мосреставрация» во главе с В. Чуличевым старалась не упустить ни одной важной детали...

И вот преображенный дом с каменными львами над калиткой ограды готовится принять первых посетителей...

Давно уже одно название осталось от когда-то буйной Марьиной рощи, куда по воскресеньям ходил гулять с родителями маленький Федя Достоевский. Неузнаваемо изменились с тех пор здешние места. Монументальное здание Театра Советской Армии заслонило горбатый изгиб бывшей Божедомки, ныне улицы Достоевского. Но дом под номером два несет на себе печать неповторимого колорита Москвы 30-х годов прошлого века. Как и открывающийся из окон флигеля классический фасад Марьинской больницы, творение Жилярди и Кваренги. Так что не только в Ленинграде и Старой Руссе сохранившийся мемориальный пейзаж вокруг дома писателя органично дополняет бережно воссозданную внутри атмосферу его жизни и творчества.

Атмосферу детства гения передать, наверное, труднее всего. Однако тут она неприметно и неназойливо сопровождает вас из комнаты в комнату. И хотя Достоевский покинул дом на Божедомке, еще ничего не написав, вы ощущаете в этих стенах истоки его художнической судьбы.

О многом говорит висящий над сундучком-кроватью в детской пушкинский портрет, подобный тому, с которым Федор Михайлович не расставался во всю жизнь. Живой еще тогда поэт часто делался предметом ожесточенных споров в кругу семьи Достоевских. Старшее поколение отдавало предпочтение маститому Жуковскому, младшее защищало своего кумира. И плакало горькими мальчишескими слезами над списком лермонтовского стихотворения «Смерть поэта»...

Любовь к Шиллеру пришла позднее, но тоже в этом доме. А следом — штудии «Истории» Карамзина. Ломберные столики в зале с раскрытыми на них учебниками по очереди испытывали терпение и усидчивость братьев Достоевских (карты в доме были под запретом). Кажется, так и слышишь здесь скрипучую латынь Михаила Андреевича и сонное бормотание наемных учителей.

Каждая вещь в квартире — живая история семьи. Акварель работы довольно известного тогда художника Михайлова изображает Даровое — небольшое имение, купленное отцом, где семья нередко проводила летние месяцы и где впоследствии при невыясненных обстоятельствах был убит мужиками Михаил Андреевич. Письма десятилетнего Достоевского к матери в Даровое находятся тут же, на столике в зале, а единственные дошедшие до нас портреты родителей писателя украшают стену гостиной.

Редкий бронзовый канделябр, так не вяжущийся с более чем скромной обстановкой, остатком былой роскоши перекочевал сюда из приданого матери, Марьи Федоровны, урожденной Нечаевой, дочери богатого московского купца, потерявшего все свое состояние в 1812 году. Его будущий зять из древнего, но обедневшего дворянского рода встретил нашествие французов полковым лекарем и был при Бородине. О причастности семьи Достоевских к событиям Стечественной войны напоминает старая гравюра «Бородинская битва», под которой вечерами собирались в гостиной, читали вслух, музицировали.

Распорядок в доме был строгий. Вставали в шесть. В восьмом часу утра отец уже шел в больницу. В его отсутствие убирали комнаты, топили печи, дети садились за уроки. Вернувшись с обхода, Михаил Андреевич пил чай и ехал «на практику». Обедали в первом часу дня, после чего отец удалялся в гостиную отдохнуть, «и в это время в зале, где сидело все семейство, была тишина невозмутимая, говорили мало и то шепотом, чтобы не разбудить папеньку». В четыре часа дня пили вечерний чай, и затем отец вторично отправлялся в палату к больным. «В девятом часу вечера, не раньше не позже, накрывали обыкновенно ужинный стол, и, поужинав, мы, мальчики, становились перед образом, прочитывали молитву и, простившись с родителями, отходили ко сну. Подобное препровождение времени повторялось ежедневно»,— сообщает младший брат Федора Михайловича,— «исключения были только в дни масленицы».

Ламп в доме не водилось, Михаил Андреевич не любил их за неприятный запах горящего постного масла. Стеариновые свечи тогда еще не продавались, «восковые же жглись только при гостях и в торжественные семейные праздники». В дрожащем свете двух оплывающих восковых свечей дети устраивались на диване и следили, как отец заполняет «скорбные листы».

Иногда приходили гости — дедушка по матери Федор Тимофеевич Нечаев, благодушный старичок лет шестидесяти пяти, его старший зять Александр Алексеевич Куманин с женой Александрой Федоровной, которой суждено было сыграть значительную роль в жизни Достоевского. Располагая крупным состоянием, она поддерживала и воспитывала рано осиротевших детей сестры, а после возвращения Федора Михайловича с каторги давала ему деньги на издание журналов «Время» и «Эпоха». Исследователи считают, что писатель вывел ее в образе бабушки в «Игроке».

Захаживал к Достоевским по вечерам и младший брат матери Михаил Федорович Нечаев, с которым она была очень дружна. Его приход означал для детей праздник, ибо «сопровождался всегда маленьким домашним концертом». Марья Федоровна, по свидетельству очевидцев, хорошо играла на гитаре, а Михаил Федорович — так просто артистично. Одна из его гитар постоянно находилась у них в доме. «И вот, бывало, после обеда маменька брала свою гитару, а дядя — свою, и начиналась игра. Сперва разыгрывались серьезные вещи по нотам... а в конце игрались веселые песни, причем дядя иногда подтягивал голосом... И было весело, очень весело».

Немало светлых, чисто московских впечатлений унес с собой в Петербург Федор Михайлович Достоевский из флигеля на Божедомке. Заведующая музеем Нина Георгиевна Глекина показывает старинную миниатюру на слоновой кости — портрет прадеда писателя по матери М. Ф. Котельницкого (отца профессора Московского университета). Человек необычной судьбы, расстригшийся священник, а потом корректор Синодальной типографии, основанной еще Иваном Федоровым, он обладал широкой культурой и тонким художественным вкусом, знал много иностранных языков, был вхож в библиотеку Строгановых и мог общаться с Новиковым. От него будущий писатель унаследовал дух книжничества, интерес к религиозно-философским вопросам.

Недаром так манил подростка отцовский книжный шкаф в гостиной с разнообразно подобранной литературой. Он и теперь стоит на своем прежнем месте. Поодаль, в зале, выцветшая афиша Большого театра, память другого отроческого увлечения, пронесенного через всю жизнь.

...Ровные строки прошения отца об отставке и дата — 1837 год как бы подводят черту под московским периодом жизни Достоевского. Выходишь из тихого флигеля старой тропинкой больничного парка, прощаешься с меркуровским памятником великому правдоискателю и встречаешь у ворот новых людей, направляющихся по адресу его детства, как идут они сегодня в московский дом детства Лермонтова на Малую Молчановку, Герцена — на Сивцев Вражек, в хамовнический дом Льва Толстого...

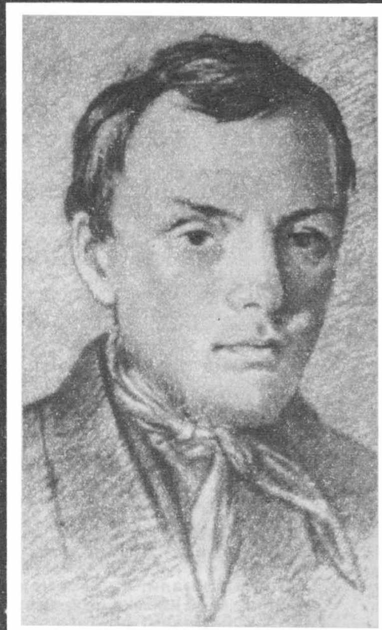
Воскресают дорогие нам уголки памяти вечных наших спутников. Духовно богаче делаемся мы ими, крепче привязываемся к Москве. И она — устремленная в будущее — хорошеет немеркнущим светом прошлого, отраженным во временных пристанищах славных сынов России. Временных, но олицетворяющих ныне животворную связь времен.

Нелегко, повторим, возвращать свет прошлого в мемориальных музеях. Дело это по плечу только истинным энтузиастам, подвижникам. Им — наша душевная признательность. Работы впереди много. На очереди создание музея в доме на Суворовском бульваре, где перестало биться сердце Гоголя. Ждет своего часа укромный особнячок на улице Алексея Толстого, в котором решено открыть музей-квартиру А. А. Блока, первым воспевшего революцию в гениальной поэме «Двенадцать» и соединившего воедино классическую русскую литературу с литературой новой эпохи.

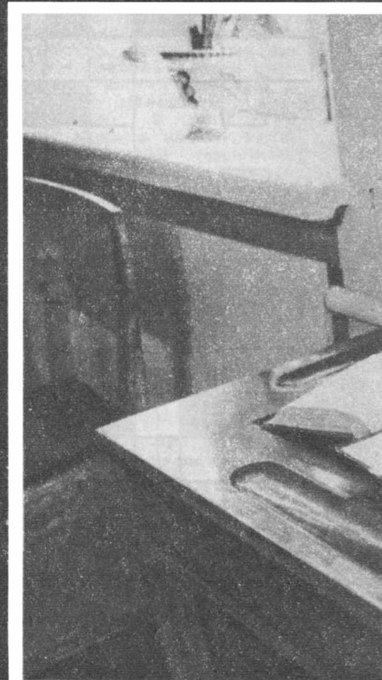
Похоже, сама судьба подарила музейщикам счастливую возможность, сведя на уцелевшем пятачке старой Москвы жилища Блока, Горького и Алексея Толстого.

Бесценные звенья в цепи нашей культурно-исторической памяти, стены эти не только станут средоточием интереснейших, уникальных материалов, но и настоящими центрами нравственного воспитания.

Вот почему важно как можно скорее дать им новую жизнь.

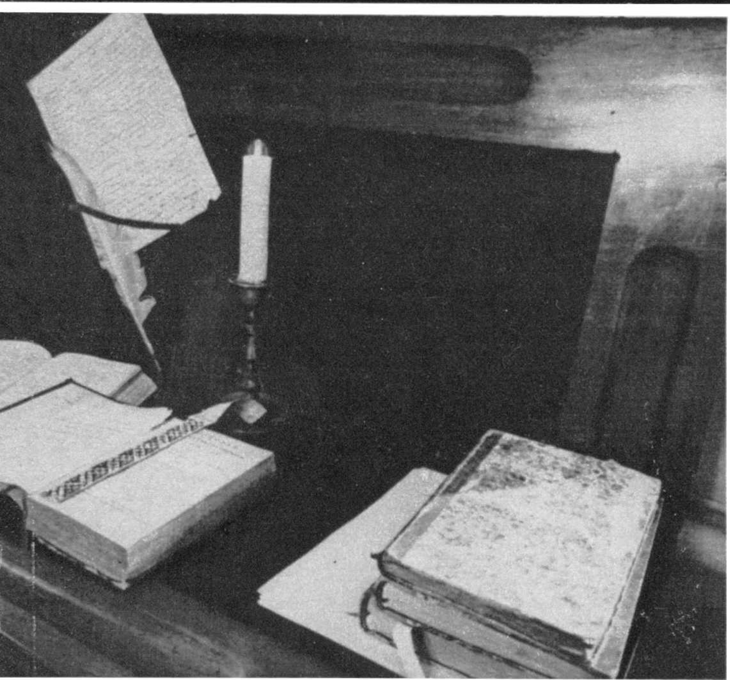
Ф. М. Достоевский. Рисунок К. Трутовского, 1847 год.

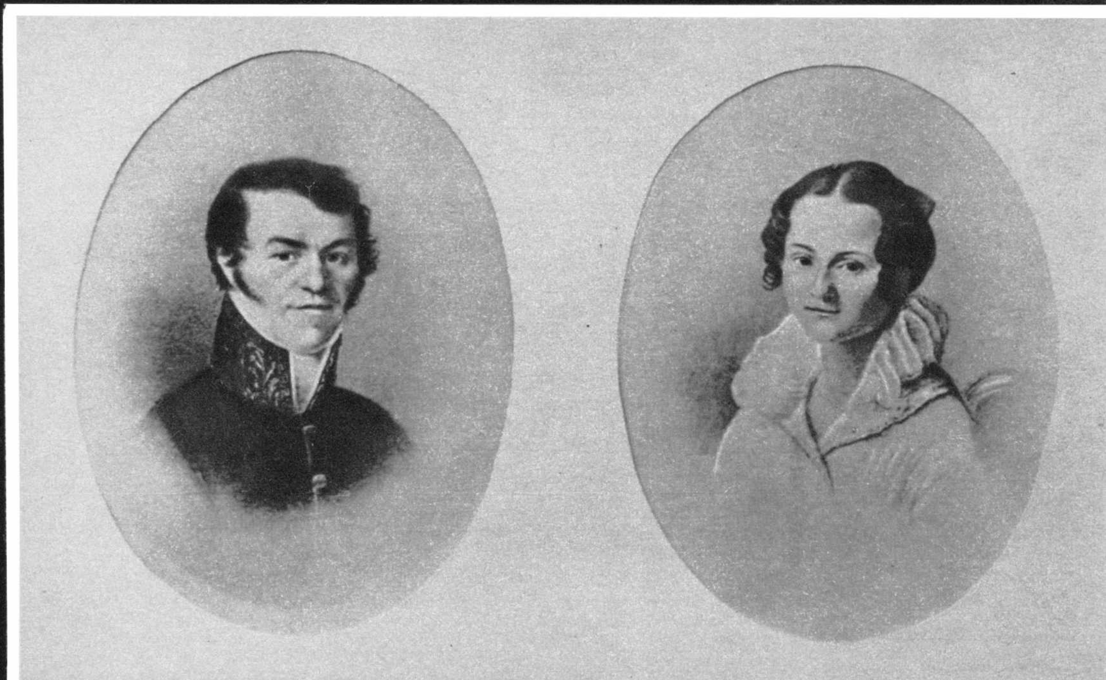

Миниатюра на слоновой кости — портрет прадеда писателя М. Ф. Котельницкого.

Уголок гостиной. Здесь по вечерам собиралась семья.

Ломберный столик и книги юного Достоевского.

Единственное дошедшее до нас изображение родителей писателя — Марьи Федоровны и Михаила Андреевича Достоевских.

Книжный шкаф, принадлежавший отцу писателя.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663